

ГЛАВА V.

История «Коксовой» литературной строкой

ТАМ ЦЕЛЫЙ ГОРОД ПОД ЗЕМЛЕЙ!

Николай Давыдов.

В краю Кузнецком есть на юге
 Шахтёрский город молодой,
 Не выделяется в округе
 Своей особо красотой.
 Сливёт Жемчужиной Кузбасса
 Зовётся гордо Углеград.
 Угля богатые запасы
 В кладовых гор окрест лежат.
 Там, близ посёлка Тырынгая,
 За полноводною Абой,
 На взгорье шахта «Луговая»
 Пейзаж украсила собой.
 В просторе высоты подлунной
 Копёр - красавец там стоит,
 И деловито шевелит
 Шкивами в вышине бесшумной.
 Под ним консоли эстакад,
 И галереи подвесные,
 И трубы толстые, стальные.
 Поодаль - зданий строгий ряд.
 Туда, перед началом смены,
 Большими группами, степенно,
 Идут шахтёры на наряд.
 Туда порожние составы
 Подходят мерно ночью, днём,
 И нагружаются углём,
 Добытым из глубокой лавы.

Где очистной забойный фронт
 (Уже вскрыт третий горизонт)
 Широким полем развернулся.
 Там целый город под землёй
 На километры протянулся.
 Земную твердь пронзил собой
 Проспектом квершлаг капитальный -
 Артерия к забоям дальним.
 Им вскрыты черные пласты,
 И сероцветные породы.
 Как книги редкостной листы
 Их отпечатала природа,
 Собрав в великолепный том,
 Тиснённый вечности станком.
 Там лабиринт ходов богатый -
 Печей пологих и крутых,
 Этажных штреков, полевых,
 Уклонов, просеков и скатов -
 Прорыт глубоко под землей
 Шахтёрской ловкою рукой.
 Там для шахтёра труд, а роздых
 В нарядах смен. Упругий воздух
 Туда под каменные своды
 Подземной тягой занесен.
 Там круглый год один сезон
 И не бывает непогоды.

«КУЗБАССКИЕ ЗАПИСИ», 1934 ГОД.

Михаил Никитин

Огромный двор. Гремят лебедки, зеленеют елочки, какие-то люди разбирают бревенчатый двухэтажный дом. Он стал не на месте, он не подходит к ослепительной белизне стен комбината – и вот его убирают. Так ему и надо, бревенчатому!

Начальник участка, маленький смуглый человек, вводит приезжего в ламповую.

Опять огромный зал. Лампы, как виноградные гроздья, висят на крюках.

-Две, - коротко говорит начальник.

Ламповщица в синем комбинезоне выдает две лампы, и начальник с приезжим выходят на улицу. Начальник косится на кучи мусора и начинает оправдываться:

Поверхность нам испортила шахта-два. Она работает прямо над нами, то есть над «Коксовой». Видите, вон ее гнилушки?

Деревянные сооружения шахты-2, грязные и все какие-то перекошенные, рядом с белыми громадами комбината кажутся развалинами рудника прадедовских времен. Начальник не питает никакого почтения к ее старости.

-Закрываем ее в этом году, - говорит он, сердито блестя угольно-черными глазками. - Она работает с обрушением, и от нее над головой у нас тлеют пожары. Посмотрите вон на дымок – это наследство шахты-2.

Над черным провалом, похожим на воронку от большого снаряда, действительно курится дымок.

Начальник не унимается.

- Мой участок на нижнем горизонте, - говорит он все так же сердито, - как раз надо мной пожар!

Черные жесткие волосы начальника выбились из-под картузика. Маленький и быстрый, он стучит подковами тяжелых сапог, и приезжему невольно вспоминается детская песенка:

Черный, черный, черный жук

Подковами стук, стук, стук...

В двадцати – тридцати шагах от воронки подземного пожара темнеет четырехугольный лаз.

-Печь моего участка, - объясняет начальник и лезет в люк.

Деревянная лестница, как в крестьянском погребе. Ничего не видно. Приезжий идет за начальником, натывается на какие-то стенки.

Путь ведет под уклон. Глаза постепенно привыкают к темноте. Потом впереди начинает мелькать электрический свет. Пыхтит какая-то машина, слышится сухой шелест.

-Закладка идет, - объясняет начальник участка.

И приезжий отчетливо видит машину, а затем и широкую ленту транспортера, которая несет на себе размельченную в порошок породу.

А вот и участок закладочных работ. Довольно просторная выработка, передняя и боковая стенки – угольные, другая боковая стенка – дощатая. Лента ссыпает здесь землю, и девушки подхватывают ее лопатами и перебрасывают вперед.

- Это еще не вполне механизированная закладка, - объясняет начальник и лезет под ленту.

Приезжий следует за ним, и они огибают дощатый забор. Матовые молочно-белые фонари освещают черную блестящую высокую стенку угольного пласта. Вдоль стенки стоят забойщики, в руках у них – отбойные молотки, наполняющие подземелье яростным пулеметным татаканьем. По виду отбойный молоток, действительно, похож на кольт. Он бьет по пласту наискось, уголь отваливается большими кусками и сыплется вниз по железному, наклонному, непрерывно содрогающемуся корытцу рештака.

В откаточном штреке приезжий увидел процесс погрузки. Все это было очень просто: электровоз, черный, приземистый и сильный, ставил вагончики под люк, и уголь с грохотом падал. Как только вагончики наполнились, электровоз покати́л их к выходу из штрека, в широкий и длинный коридор квершлага.

Пятнадцать километров подземных путей уложены в штреках шахты. По квершлагу подземные поезда мчатся к бункерам. Здесь вагонетки автоматически разгружаются, высыпая уголь в гигантские воронкообразные хранилища. Скипы – большие железные коробки, вместимостью каждая в восемь тонн – опускаются по скиповому стволу, автоматически открывают бункер и, забрав уголь, устремляются вверх. Наверху, в надшахтном здании, стоят приемные бункера. Сюда скипы ссыпают уголь, а скребковые конвейеры гонят его в здание железнодорожных бункеров, откуда уголь перегружается в железнодорожные вагоны. Черная угольная река, вырвавшись из подземелья шахты «Коксовая», разбивается на несколько рукавов и течет по предназначенному ей направлению.

ЖЕМЧУЖИНА КУЗБАССА

Пётр Потанов

«Сибирская новь», «Углетехиздат», 1948 год.

Трудно представить себе здешние места в том виде, как они выглядели, по рассказам старожилков, три десятилетия назад.

...Западная Сибирь. Начало безлюдной и малопроезжимой тайги, широкой полосой уходящей к горным кряжам Кузнецкого Ала-Тау. Кругом гористые, изрезанные гигантскими холмами просторы. Вершины и склоны холмов покрыты кустарником, чертополохом, сибирским волчегодником, а в низинах – топкие, усеянные кочками болота.

Устало и медленно пробирается между холмами мутно-грязная речка Аба – скверная, мелкая речушка с водой, не пригодной ни для купанья, ни для питья. Местные люди презрительно называют ее «черной лужей».

По левому берегу Абы громоздятся лишенные всякой растительности, пирамидообразные сопки с меднокрасной поверхностью горелых пород. К сопкам прилепилось небольшое селение Прокопьевск. В нем, как сообщают официальные справочники, было накануне Великой Октябрьской социалистической революции сто четырнадцать дворов, деревянная церковь и мануфактурная лавка.

Жители Прокопьевска занимались в ту пору охотой в таежных чащах да скудным земледелием на тех редких клочках едва пригодной для возделывания земли, которые изредка встречались близ каменных сопки. Горемычной была жизнь прокопьевских поселян.

-Бьемся, как рыба об лед, с хлеба на квас перебиваемся, - жаловались они.

А между тем, земля таила там несметные богатства – многие миллиарды тонн ценнейшего по качеству каменного угля. Никто толком тогда и не знал об этих неисчислимых богатствах.

Лет тридцать с небольшим назад здешние крестьяне ковыряли уголь в тех местах, где он выходил наружу или залегал в одном-двух метрах от поверхности земли. Орудия ломами, кирками и заступами, они добывали уголь для кузниц окрестных деревень.

Осенью 1920 года в Прокопьевск прибыла партия советских геологов и развернула работы по разведке недр. В разных местах появились буровые вышки. Мощные каменноугольные пласты обнаружили советские специалисты.

Вскоре близ села Прокопьевска была сооружена первая государственная угольная шахта. Она не отличалась ни большой производственной мощностью, ни техникой, - дело происходило в грозные военные годы, когда в смертельных боях с врагами молодая советская республика отвоевывала свое право на существование.

Вот что рассказал мне о первых днях своей работы на Прокопьевской шахте один из старейших горняков Матвей Ефимович Дедов:

- Трудно было нам добывать уголь. Страна, разоренная войной, израненная поднималась на ноги. Не хватало ни хлеба, ни одежды, а о механизмах никто тогда и не помышлял. Однако мы трудились с большим упорством. Каждый горняк хорошо понимал, что стране до зарезу нужно топливо – значит, надо во что бы то ни стало его дать. Мы знали, что строим свое, социалистическое государство, что полновластный хозяин в нем – трудовой народ. И мы работали, не покладая рук.

...Пядь за пядью человек отвоевывал у тайги пространства, на которых она безраздельно властвовала веками. Люди вторгались в таежные чащи, выкорчевывали пни, уничтожали бурелом, осушали

болота. Потом они селились на очищенных землях и строили здесь шахты. В тайге начала развиваться добыча каменного угля.

Одновременно меняло свой облик когда-то убогое, с приземистыми домиками селение Прокопьевск. В 1923 году его перевели в разряд рабочих поселков, а несколькими годами позже Прокопьевск был преобразован в город.

Особенно быстро стали расти и расцветать Прокопьевские разработки в период сталинских пятилеток, в годы, когда по инициативе И.В. Сталина на востоке СССР создавалась вторая после Донбасса угольно-металлургическая база. Тогда-то в Прокопьевске были построены шахты-гиганты: имени Сталина, имени Ворошилова, №3-3-бис и другие, по производственной мощности не имеющие равных в Европе.

В годы третьей пятилетки и до начала Великой Отечественной войны Прокопьевские шахты ежегодно повышали добычу. Десятки миллионов тонн высокосортных коксовых и энергетических углей дал Прокопьевск за время Великой Отечественной войны.

Как недалеко, казалось бы, время, когда ютилась в Сибири жалкая, никому не известная деревушка Прокопьевск с населением в несколько сот человек. Теперь здесь большой, красивый индустриальный город.

Прокопьевск называют «жемчужиной Кузбасса». Это имеет свое основание. Кузбасс – самый крупный в Советском Союзе и один из крупнейших в мире угольный бассейн, а Прокопьевск дает без малого половину всего угля, добываемого ныне в Кузбассе. Первокласного угля!

Четырнадцать крупных механизированных угольных шахт расположены на территории города. Широко раскинулись их наземные сооружения – производственно-бытовые комбинаты, электроподстанции, обогатительные фабрики, корпуса компрессорных установок, здания всевозможных мастерских, складские помещения. Не будь тут металлических копров и террикоников – можно было бы подумать, что это вовсе и не шахты, а большие современные заводы.

Город пересекает построенная в годы сталинских пятилеток электрифицированная железная дорога. В обе ее стороны курсируют мощные электровозы – они везут из Прокопьевска длинные составы большегрузных вагонов с углем. Эти превосходные коксовые и энергетические угли питают Сталинский и Магнитогорский металлургический комбинаты, Томскую железную дорогу, многочисленные электростанции.

С наступлением сумерек над Прокопьевском загораются огни. Прямые, разметавшиеся по склонам холмов улицы заливаются электрическим светом.

Схваченный в тесное кольцо угольных шахт, город со всех сторон окружен исполинскими пирамидами породных отвалов. Ночью на отвалах сверкает множество огненно-синих колеблющихся язычков – это сгорают отходы угля и углистые сланцы.

Будто на китах-великанах Прокопьевск стоит на гигантских угольных массивах. Под фундаментами городских строений начинаются, круто падают вниз и уходят на большую глубину мощные пласты угля. Толщина этих каменноугольных стен-колоссов достигает четырнадцати метров. Нет места в мире, где была бы такая же сосредоточенность пластов.

Прокопьевск – город шахтеров; всё его многочисленное население имеет то или иное отношение к углю. Десятки тысяч людей работают непосредственно на шахтах; сотни горных инженеров и техников заняты в комбинате «Кузбассуголь», в трестах «Сталинуголь» и «Прокопьевскуголь».

Правда, за последние годы построено много самых различных промышленных предприятий, но почти все они как бы состоят на службе у шахтеров.

АЛЕКСАНДРА ЛЕОНОВА

О. Туварджиева.

«Комсомолец Кузбасса», 8.03.1975г.

Первые недели у новоиспечённой откатчицы с шахты «Коксовая-1» к концу рабочего дня чугунной тяжестью наливались ноги и руки, нестерпимо ныла спина. Даже во сне постоянно грезились пустые и гружённые топливом вагонетки. Которые она без конца подавала под погрузку и также быстро откатывала из-под люка. Дни были горькие. Шла война.

Потом пообвыкла, появилась сноровка. Потом пришла в голову дерзкая мысль. А события ускорили развязку. «Вчера ещё

пятерых забойщиков со второго участка призвали на фронт. Разговор откладывать больше нельзя», - налегая плечом на гружёную вагонетку, размышляла Саша.

-О чём замечталась, девушка? – внезапно раздался над самым ухом голос подруги Таси Баландиной. - Пора на-гора подниматься. Вон ночная смена идёт.

-И правда! – удивилась Саша, заметив мелькающие в темноте огоньки головных светильников.

По дороге к стволу и в клетки, которая поднимала их вверх. Саша была задумчива.

-Да что с тобой? – тормозила её Тася.

Подруга молчала.

На участке, как обычно, задержались поговорить о делах насущных, прослушать сводку Совинформбюро. Напряжённые бои под Москвой, блокада Ленинграда, массовый героизм фронтовиков... Родина звала на подвиг. Мужчины один за другим уходили на фронт. «Скоро, девчата, вам полегчает, забойщиков-то совсем не остаётся», - неловко пошутил мастер.

- Вот – вот, не остаётся, - встрепелась Саша, – но не останавливать же шахту из-за этого. Нам надо идти на их место. Мы молодые. Здоровые. Откатчицами могут быть и пожилые. В забое-то им не сдюжить.

Предложение откатчица Саши Леоновой – пойти в забой – с азартом подхватила её подруга. Вскоре была создана первая в Кузбассе молодёжная бригада забойщиц, а она, Саша Леонова, стала её вожаком. О патриотическом почине сибирячки рассказали газеты. Журналы. «Работница» поместила её портрет на обложке. Было это в грозном 1942 году.

Что она в шахтёры пришла из продавцов – никого не удивило. Конечно, работа за прилавком ни в какое сравнение с трудом горняцким не идёт. Но теперь всем распорядилась война. И вот, в общем-то, не привычная к тяжёлому физическому труду девчонка за двенадцатичасовую смену успеваешь нагрузить до восьмидесяти вагонов – почти два плана. А вот она уже в забое, да ещё бригадиром...

- Ускоренными темпами учились мы тогда на курсах забойщиков, - вспоминает Александра Леонтьевна. - Экзамены сдавали в забое. Сначала проходили печи – сверху вниз, потом работали на рассечке – это сложнее. Настало время, когда доверили нам и щиты монтировать.

План женская бригада выполняла регулярно. Ценой огромного напряжения. Даже частенько давали плюс. Горожанки подхватили почин Леоновой. Одна за другой стали появляться на шахтах молодёжные женские бригады забойщиц – на шахте «Зиминка», №3-Збис, имени К.Е. Ворошилова.

Александра Леонтьевна перелистывает странички семейного альбома. Здесь старые фотографии, вырезки из газет (местных и центральных). Каждый листок – кусочек тех памятных давних дней.

«Горняки лучшей шахты Советского Союза «Коксовой» обратились ко всем горнякам Кузбасса с призывом встать на вахту повышенной угледобычи. «Собрание, на котором обсуждалось письмо, было бурным» - говорит А. Леонова.

Точно. Взлёт инициативы был большой. Сама Александра решилась тогда на рекорд.

- В честь 8 марта обещаю на триста процентов выполнить сменное задание»- заявила в бригаде.

В шахте работала неистово. Без перекуров. «Тормозок» (скромный обед) и тот жевала на ходу. Полутораметровые крепёжные стойки не казались громоздкими и тяжёлыми, как обычно. «Один брат воюет.

Другой только что ушёл добровольцем... Я здесь за них должна... Триста процентов, не меньше» - упорно билась в голове мысль.

Когда поднялась на-гора, звенящая пустота заполнила голову, сердце, тело. Словно в полусне сняла с головы каску, развязала платок. Нестерпимо хотелось одного – упасть на кровать и заснуть. Правда, прежде узнать итог дня.

-У Леоновой сегодня выработка составляет 349 процентов к плану. – В числе первых назвал её фамилию начальник участка Маркелов. Саша удовлетворённо улыбнулась.

Отныне частенько ей говорили: «Леонова, зайти в комитет комсомола, там тебя ждут». Приходивших за советом коллег встречала душевно. Рассказывала всё, что их интересовало. Много времени требовала и переписка с фронтовиками.

«Доставили вчера к нам на передовую почту, - написал однажды брат Алексей. - Я по окопу прохожу, и мельком взглянул ша обложку журнала, что боец в руках разглядывает. Машинально воскликнул, на обложке журнала в полный рост девушка-шахтёрка сфотографирована: «- Как на мою сестру Сашу походит!» И пошёл было дальше. А потом спохватился, назад вернулся – точно – моя сестра! Можете представить, какая радость в душе у меня в тот момент была? Словно наяву с сестрёнкой повстречался!» Показал всем ребятам. Прочитали мы, как ты там с подругами работаешь. И ещё яростнее стали наши атаки, ещё больше злость и ненависть к фашистам. Кое-кто решил тебе написать».

И хлынули письма с фронта. От солдат. Вот они, эти конверты, треугольники. Сохранились. Немудрящие, солдатские треугольники с адресом «Кузбасс, шахта «Коксовая». Саше Леоновой», - они все доходили до адресата.

Вначале, урывая время от сна, ответить на все письма сама. А вести от матросов и солдат всё шли и шли. И когда очередная почта принесла ей сразу более двадцати пяти конвертов, пошла в комитет ВЛКСМ. Высыпала их на стол перед Валентиной Самородовой. Секретарём комитета комсомола, и сказала:

-Пусть все девочки отвечают!

С тех пор так и повелось. Отвечали на солдатские «треугольники» все вместе. Но себе Саша непременно оставляла одно. Самое заветное.

Сурен – так его звали. Её ровесник. Письма, что он писал, были такие искренние и доверчивые. Чистые и наивные, что поневоле вызывали на откровенность. Она рассказывала ему о себе, о подругах, о своей бригаде, о своей жизни и планах на будущее. А потом они эти планы стали строить совместно.

Последнее письмо было из госпиталя...

После гибели Сурена Саша стала больше загружать себя работой. После смены ежедневно с подругами готовила посылки бойцам. В тесной комнате комитета ВЛКСМ то и дело росла стопка подарков –

варежки, носки, шарфы, тёплые свитера. Кое-что вязали и шили сами, а также принимали подарки от населения.

-Да вы не думайте, что мы только печаль да работу тогда знали, - встряхнула головой Александра Леонтьевна, – радости были, и в кино ходили. Правда, иногда культпоходы срывались. Однажды, к примеру, перед сменой договорились: как выйдем на-гора – сразу в кино! Фильм новый, все хвалят. Вышли из шахты – девять вечера. Времени – в обрез, к тому же ещё надо успеть в столовую. А нам сюрприз: обед из трёх блюд – суп, гуляш, компот. Так кормили тех, кто за смену выполнял более чем на 110 процентов. Тася Баландина управилась с едой раньше всех, положила голову на локоть: «Жуйте быстрее!» Когда все встали из-за стола, она крепко спала. Конечно, какое уж тат кино, без Таси не пошли. Вместе, так вместе.

Не только в бригаде уважали Леонову. Руководители тоже ценили. Вызвал как-то начальник участка Маркелов и сказал:

-Вот что Леонова. Решили мы тебя поставить горным мастером.

Но она не согласилась. Начальник не отступал. Прославленный бригадир, «железная» Саша, как её называли, разревелась как школьница:

-Не хочу уходить от девчат...

На том разговор и закончился. Снова вооружилась отбойным молотком, ушла в шахту.

Правда, потом, окончив курсы горных мастеров, руководила сменой, была помощником начальника участка.

А в память о нелёгкой военной поре хранятся у А.Л.Леоновой вот эти реликвии – медаль «За трудовое отличие» и знак «Отличник социалистического соревнования». Они потемнели от времени, но не стали от этого менее дорогими.

ОТВОЕВАЛИ ПЛАСТ У СТИХИИ

*Михаил Капустин.
«Вестник», №6, (57), ноябрь, 1999г*

При подготовке нового выемочного поля на шахте «Коксовая» вернулись к тем выработкам, которые проходили в годы войны. Документы свидетельствовали, что уголь там есть. Подтверждали это и геологи. О том, как готовили фронт работы для участка № 17, рассказывает технический директор

- По отработанному в 1942 году квершлагу пласты выходили на поверхность. В 70-х годах выхода пластов были взяты открытым способом. В нынешнем году решили уголь взять с нижнего горизонта. Поле для участка № 17 готовили практически с начала года. Два месяца

назад вся работа была выполнена, выработки пройдены и нужно было приступить к выемке угля. Пробурили предварительно скважину на вышележащий горизонт и обнаружили окись углерода. Значит, где-то горит. Проанализировали ситуацию и пришли к выводу, что горит поверхность.

Первую попытку пройти на полевой штрек и попасть на пласт Горелый мы сделали в начале октября. Отработали трое суток, проникли на сотый горизонт. На восточный квершлаг, вскрывающий пл. Внутренние, попасть было невозможно, сопряжение полевого с восточным квершлагом было завалено. Приняли решение: выработку заперемычить, пройти дополнительно новую сбойку, чтобы выйти на восточный квершлаг по породам.

По пройденным более 55 лет назад выработкам шли, как по музею. Нашли узенькие рельсы. Очевидно, по таким рельсам тянули вагонетки лошадьми. Нашли перку - небольшое ручное сверло, которым бурили скважины для ведения взрывных работ. Полсотни лет отстояли под землей стойки из лиственницы и не истлели. Хорошо сохранилась из-за крепких пород и выработка.

В 1942 году «Коксовая» выдала на-гора миллион 720 тысяч тонн угля. В 44-ом добыча перевалила за 2 миллиона. А высшая нагрузка, пик добычи, приходится на 1957 год - 2220 тысяч тонн. Если вспомнить что в годы войны в шахту спустились женщины и дети, сложно, практически невозможно представить, какой была на людей нагрузка. Но чувство долга было высоким. Оно помогало и на фронте, и в тылу.

На подготовительном поле по предварительным расчетам маркшейдеров запасов тысяч 80. Коллектив участка № 17 сможет здесь работать месяцев девять-десять. Возглавляет участок Николаи Яковлевич Бгатов - человек в шахтерском деле опытный, гидродобычу знает от А до Я. Когда выявили, откуда поступает окись, горняки участка вместе с бойцами ВГСЧ работали на возведении перемычки - боролись со стихией за свои рабочие места. Если бы вовремя не заметили возгорание, упустили еще неделю, могли потерять подготовленное поле и. таким образом, участок № 17 практически на год остался бы без работы, поскольку новый горизонт будет подготовлен только к концу 2000 года.

На новом поле коллектив Н.Я.Бгатова будет работать с большей нагрузкой, поскольку пласты здесь более выдержанные

ИЗОБРЕТАТЕЛИ

Главный механик шахты имени товарища Сталина горный инженер Алексей Алексеевич Могилевский изобрел очень ценный для угольных шахт механизм – сбоечно-буровую машину. За это изобретение он удостоен высокого звания лауреата Сталинской премии. Могилевский широко известен среди инженеров и техников Кузбасса, в угольных

научно-исследовательских учреждениях, в Западно-Сибирском филиале Академии наук, в министерстве.

На вид это среднего роста, коренастый, плотный, лет тридцати пяти блондин. Он, как и все физически сильные люди, нетороплив в движениях.

- Расскажите, если можно, об изобретенной вами сбоечно-буровой машине, - попросил я Могилевского.

- Кузбасс, - начал он, - отличается от других бассейнов чрезвычайно большой мощностью угольных пластов. Разрабатывать их надо особыми способами. По условиям этих разработок требуется устраивать углеспускные выработки в угольных массивах. На языке шахтеров такие выработки называют «печами». Обычно печи проходились отбойными молотками – это очень длительная и трудная работа. И я задался целью создать специальную машину для бурения печей. Первый ее образец был сконструирован мною еще пять лет назад. Он оказался удачным, и вскоре машину пустили в серийное производство. Позже я внес в нее значительные усовершенствования и, в частности, достиг того, что машина стала бурить скважины под любым углом наклона.

- Какова же ее эффективность?

- Очень высокая. Раньше на проходку печи требовалось больше месяца, а теперь машиной скважина, заменяющая печь, пробуривается в три-четыре дня.

- И какое распространение получила ваша сбоечная машина?

- Она имеется на всех угольных шахтах бассейна, разрабатывающих мощные пласты, - ответил изобретатель.

Посвятил меня Могилевский и в другие области своей творческой деятельности. Совместно с техником Анатолием Лосевым он спроектировал горный комбайн – универсальный механизм, одновременно выполняющий несколько производственных операций на горнопроходческих работах. Испытания экспериментального образца показали, что на проходке штреков производительность комбайна вдвое выше обычной на этих работах. Однако, по мнению авторов, эффективность комбайна может быть еще более высокой, и они продолжают работать над его усовершенствованием.

- С другим изобретателем, Федором Куфаревым, - продолжает Могилевский, - мы конструировали маневрово-откаточную лебедку с дистанционным управлением. Каждая такая лебедка высвобождает трех-четыре мотористов. Государственный институт проектирования угольного машиностроения (Гипроуглемаш) уже готовит образец нашей лебедки для серийного выпуска в дальнейшем. Наконец, я много работаю над созданием закладочной машины...

Тут надо объяснить, что вследствие большой мощности пластов добыча угля на некоторых шахтах Кузбасса ведется с закладкой выработанного пространства. Это значит: образующиеся после выемки угля подземные пустоты плотно закладываются, забучиваются песком,

гравием и т.п. Благодаря закладке поверхность над выработанным пространством не оседает и выемка огромных угольных массивов не меняет рельеф местности. Таким образом, создаётся возможность разрабатывать угольные месторождения под промышленными зданиями, жилыми кварталами, железными дорогами, садами и парками.

- На нашей шахте, - рассказывал Могилевский, - впервые в Советском Союзе осваивается метод гидравлической закладки выработанного пространства. Работы эти производит Всесоюзный научно-исследовательский институт.

- В чем сущность этого нового метода? – спросил я главного механика шахты.

Он объяснил:

- Мелко дробленая порода подается с поверхности земли в перекачную землесосную станцию, а из нее по трубам транспортируется водой к месту закладки.

- А каково назначение вашей будущей закладочной машины?

- Она должна на несколько метров вперед с силой метать закладочный материал в отработанную часть забоя. Этим будет достигнута большая плотность закладки и ускорение работ.

Шахта имени Сталина богата изобретателями и рационализаторами угольного производства.

- Наши инженеры, техники, рабочие, - сказал главный механик, - неустанно умножают техническую вооруженность шахты, обогащают, по мере своих способностей и знаний, горную технику. Перечислю вам некоторые из наших достижений в этой области...

- Знаменитый щит профессора Чинакала, в несколько раз поднявший производительность труда забойщиков и блестяще решивший сложную проблему разработки мощных крутопадающих угольных пластов, был сконструирован и впервые освоен на нашей шахте. Теперь, как известно, щит получил широчайшее распространение, и щитовая система разработки месторождений признана в нашем бассейне наиболее эффективной и целесообразной по сравнению с другими системами.

Механик Иван Жуков оригинально и остроумно приспособил колонковое электросверло для бурения в угле коротких скважин между штреками – он создал легкую буровую машину, в пять раз повышающую производительность труда забойщиков, занятых на проходке коротких скважин.

Значительную ценность представляет изобретенный главным инженером шахты Николаем Линденау станок, предназначенный для заделки крепежного лесоматериала – обрезки стоек, вырезки в них «лап». Раньше на заделку леса ставили шесть человек, теперь же на станке Линденау их функции выполняет один рабочий.

Директор обогатительной фабрики Владимир Мыслицкий сконструировал и успешно применил в производстве механический пробонаборник – устройство, автоматически набирающее в

обогащительном агрегате нужную дозу угля, предназначенного для определения степени его зольности. Пропонаборник Мыслицкого ежесменно выполняет работу четырех рабочих.

На той же обогащательной фабрике механик Михаил Сорокопудов, изменив существовавшие ранее способы натяжки сит на грохоты, удлинил срок службы этих сит с двух до шести месяцев.

Талантливым рационализатором слывет на шахте начальник подземного транспорта Федор Ткаченко. К числу последних его достижений относится шахтный путеочиститель, имеющий большое значение, если учесть, что общая протяженность железнодорожных путей в шахте имени Сталина достигла пятидесяти километров. Более сорока человек ежедневно было занято на очистке путей от мусора, кусков угля и породы, выпадающих из доверху груженых вагонеток, когда электровозы перегоняют их от забоев к подъемному стволу. Созданный Федором Ткаченко путеочиститель стальными щетками механически очищает откаточные пути и сметает с них мусор на прилаженный к очистителю ленточный транспортер.

Другая техническая новинка Федора Ткаченко – червячный насос для очистки подземных водосточных резервуаров. По шесть-восемь человек в смену были заняты очисткой водосборников шахты от скапливающегося в них ила. Теперь труд этих людей заменяет насос конструкции Ткаченко, управляемый одним человеком.

Долгое и канительное дело – снимать с электровозов аккумуляторные батареи, ставить их под зарядку, а затем водворять на прежнее место.

Работники проектного бюро шахты сконструировали специальный мостовой подъемный кран для перемещения аккумуляторных батарей. С помощью крана батареи вынимаются из электровоза и устанавливаются на зарядный стол в три-четыре минуты, тогда как раньше на это уходило сорок-пятьдесят минут.

Простые, еще не владеющие специальными техническими знаниями, рабочие вносят свой вклад в дело совершенствования угольного производства. Так, слесарь Василий Чуян переделал на свой лад одну из важных деталей сбоечно-буровой машины. В результате, в машину стало значительно меньше набиваться угольной пыли, и срок службы многих ее частей увеличился. По проекту, разработанному рабочим электровозного депо Сергеем Петровым, в подземных поездах, перевозящих уголь, оборудованы специальные, удобные сиденья для кондукторов, - это улучшило условия их труда. Забойщик Григорий Мусохранов предложил оригинальное и очень практичное крепление углеспускных скважин.

- Нет нужды перечислять все изобретения рабочих, инженеров, техников шахты, - сказал Могилевский. – Одно скажу: ни в одной стране мира люди труда не имеют такого безграничного простора для своей творческой деятельности, для проявления своих талантов и инициативы, как у нас, в социалистическом государстве. Всякое новшество в

производстве капиталисты используют для своих личных, эгоистических целей. Каждая новая машина, каждое нововведение в капиталистической промышленности только увеличивает армию безработных, ухудшает положение рабочего класса. У нас же, в стране, которой управляет сам народ, техника является могущественным средством развития производительных сил, средством дальнейшего усиления мощи и величия нашей Родины, неуклонного подъема материального и культурного уровня народа. В этих условиях хочется работать в полную меру сил и способностей, прокладывая все новые пути к вершинам техники.

В заключение нашей беседы инженер Могилевский сказал, что изобретателям и рационализаторам производства на шахте оказывается всяческое содействие.

На шахте есть комиссия по рабочему изобретательству. В нее входят представители от администрации и шахтного профсоюзного комитета. Комиссия учитывает все поступающие от рабочих и служащих предложения и изобретения, способствует быстрейшему внедрению их в производство, следит за тем, чтобы каждый изобретатель и рационализатор своевременно получил за свое нововведение соответствующее денежное вознаграждение.

Для производства экспериментальных работ администрация бесплатно предоставляет новаторам все необходимые материалы, инструменты, оборудование, рабочую силу. Опытные образцы созданного механизма, машины, приспособления изготавливаются в электромеханических мастерских шахты, располагающих хорошим оборудованием.

Каждый рабочий-изобретатель может в любое время получить у специалиста шахты исчерпывающую консультацию по каждому интересующему его вопросу. Людям, не владеющим достаточными техническими знаниями, приходят на помощь инженеры – они производят технические расчеты, составляют чертежи, дают советы.

Администрация шахты направляет деятельность изобретателей и рационализаторов: она сосредотачивает их внимание на важнейших вопросах производства, требующих технического усовершенствования, подсказывает темы.

За каждое изобретение или техническое усовершенствование их авторы, согласно существующему в СССР законодательству, получают от администрации денежные вознаграждения. Размер таких вознаграждений доходит до пятнадцати процентов от общей суммы годовой экономии, полученной в результате применения нового изобретения.

БЕЗ АЛЬПИНИСТСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ

Анатолий Легостаев

В 1966 году наш 21 участок работал стабильно. Суточную добычу в 350 тонн, делать нечего, спокойно давали. Система отработки надёжная: наклонные слои с гидрозакладкой, сокращённо «система НСГЗ».

Надо сказать, что все предпосылки для стабильной работы были заложены ещё в процессе подготовительных работ выемочного поля: бригада забойщиков Габдрахманова И.Х. отлично владела технологией отработки угольного пласта. Да и сам пласт Мощный был без особых сюрпризов, почти без нарушений, с хорошей кровлей и почвой, располагал к производительной работе. Подготовительные работы на новом объекте производилась строго по технологии, наш начальник участка Пётр Иванович Колесов был особенно привередлив к качеству подготовки выемочных забоев. Особое внимание уделялось армировке грузовой печи углеспускными трубами (банками). Слесари-монтажники свои обязанности чётко выполняли: в каждом забое всегда запасное электросверло имелось, а рештачный став скребкового конвейера строго по прямой монтировался.

Очередной календарный месяц по традиции завершался перевыполнением, и наш коллектив готов был к достижению высокопроизводительных показателей к очередному ноябрьскому празднику. Но не зря говорится, что в шахте без проблем не обходится. В тот раз в ночную смену забутились банки, как бы не казалось нам это обстоятельство невероятным. Ещё бы, почти вертикальное падение пласта, более 70°. И тем не менее, в полутора десятках метров от основного штрека остановился уголь в банках.

Конечно, изредка приходилось нам загружать банки. Потому что уголь, после отпалки в низах лавы, перекрывал сбойку и нарушал проветривание. Поэтому мы таким образом выходили из положения: уголь отгружался и в лаве можно было продолжать работы по креплению забоя. А как только состав вагонеток прибывал на участок, банки выгружались в считанные минуты.

Итак, в тот раз у нас возникла целая проблема: работа на всём участке была совершенно парализована. Да и как же иначе, если в лаве лежит уголь и отгружать его некуда?

В подобной ситуации неизбежно встаёт вопрос: как «разбутить», то есть - разгрузить банки? Обычно такая операция выполняется путём простукивания чем-то металлическим непосредственно по самим банкам. Однако такой возможности на этот раз у нас не имелось из-за того, что ранее, во время подачи закладки, часть её была упущена в грузовую печь. В результате чего банки оказались в буквальном смысле зацементированными. Напрашивалась еще мысль пробить сбойку к месту остановки угля с ходовой печи, всего-то около шести метров. Но

это же такие проблемы с оборудованием бурильной точки, к тому же можно и «промахнуться».

Толпимся снизу печи и, поочередно заглядывая в неё, высказываем свои соображения. Надо отметить то, что как раз в это время на заводе ПЗША конструкторы работали над созданием нового отражателя для головного светильника, концентрировавшего пучок света в точку, мечта каждого из нас! А наиболее шустрые ребята уже умудрялись где-то достать такой отражатель и установить в свой светильник. Так что с помощью такого «прожектора» мы могли просвечивать на солидное расстояние и чётко рассмотреть, что на расстоянии 12-15 метров вверху, поперёк банок, ухитрилась расклиниться каким-то образом затяжка, застопорившая ход угля. Надо заметить, что банки были отполированы, имели зеркальную поверхность - попробуй по ним взобраться!

Таким образом, почти так трое суток соображали, как выйти из положения. Многократно пытались расшевелить уголь шуровками, но все наши попытки оказались тщетными.

Крепильщик Александр Трефелов и говорит:

-Как бы умудриться, да подобраться бы к этой затяжке и привязать к ней канатик, чтобы потянуть?

Заглянул я ещё раз в банки, прикинул: вроде бы прочно расклинился уголь. Решаюсь, говорю ребятам:

-Так и сделаем - привяжем канат к затяжке! Но сначала сделаем трап из плах!

Накололи несколько плах по вдоль, чтобы было легче протолкнуть в банки. Набили поперёк бакулки - ступени. Сколотили между собой гвоздями эти стремянки, чтобы получился 10-15-ти метровый трап. Не помню точно, сколько таких самодельных лестниц-трапов зачихали мы в банки.

Разделся я до рубашки, потому что по комплекции к хилым не относился. К поясу брюк шестимиллиметровый канатик привязал, и протиснулся в банки.

И стал я покорять высоту, словно спелеолог в пещере, по зыбкому трапу, норовящему выскользнуть под моей тяжестью то в одну, то в другую сторону. Распираюсь изо - всех сил руками в бока отполированных банок, осторожно, по поперечинам карабкаюсь всё выше и выше. Мыслей о грозящей опасности нет, словно бы на время в голове соответствующее реле отключилось, всё внимание к тому, чтобы ноги не соскользнули. Сколько по времени поднимался? Точно не могу сказать, но удалось! Благополучно добрался до злополучного места. Перевёл дух, и, осмотревшись вокруг, с облегчением вижу: действительно - затяжка расклинилась прочно. Тем не менее, обращаюсь с ней деликатно, словно на разминировании.

Так вот в чём причина - то: одна из вмонтированных банок оказалась с дефектом. И незначительную трещину в процессе работы разбило до значительных размеров, достаточных для того, чтобы в неё воткнулась торцом затяжка.

Осторожно проковырял вокруг затяжки щель и просунул канатик, завязав его «мёртвым узлом». Спуск оказывается не менее тяжёлым. Зыбкий трап из плах под моей тяжестью норовит помчаться в сторону по отполированной глади металла, а в местах соединения, грозит сложиться вдвое. Изо всех сил распираюсь в зеркало банок.

Одним словом, жарко показалось в тот момент. Когда спустился, с меня градом катил пот.

Потянули мы канат лебёдкой и затяжка, словно соломинка, сразу же переломилась. Уголь рухнул в бункер. Всё! Участок ожил, и добычные работы вскоре вошли в деловой ритм. А дефектную банку при первой же возможности заменили, и выемочное поле доработали в тот раз без осложнений.

И вот сейчас, по прошествии многих лет, размышляю, вспоминая ту ситуацию, что это было: безрассудство, ненужный риск, или находчивость в сложной производственной ситуации? Что скрывать, при разбучивании печей на шахтах случались трагедии. И потому-то, при подготовке выемочного участка, опытный начальник участка особое внимание уделяет оборудованию такого погрузочного комплекса, который в процессе работы исключит «забучивание» угля.

СЛОВО ГОРНОГО МАСТЕРА

Геннадий Захаров.

«Шахтерский край», февраль 2005г..

Здесь, как мне думается, на 13-м участке прославленной краснознамённой шахты «Коксовая», куда пришёл, практически, со студенческой скамьи, состоялся я как горный мастер.

Молодой специалист, всего месяц прошёл с начала моей работы на участке. Прихожу как-то в забой и вижу, что проходчик Иван Буераков со своим напарником ловчат. Дело в том, что в объём работ, выполняемых бригадой, входит и замена временной, деревянной перетяжки на постоянную, бетонную. Это когда забой уже продвинется на соответствующее расстояние. Но круг от круга отличается: если давления нет, то заменить затяжку – пара минут, а вот если поддавило, то приходится, как говорится, попотеть. Смотрю, а Иван Григорьевич решил «схалтурить», пропустил пару кругов и меняет затяжку там, где полегче. А на моё замечание даже и не реагирует. Тогда и говорю ему:

-А я тебе не заплачу сегодня, не закрою наряд!

Как он вскипел:

-Да пошёл ты! Кто ты такой, пацан! Не заплатит он, видите ли!

А я молча сел на чурку и жду. Помахал он руками, поматерился от души, остыл немного, и всё-таки вернулся к пропущенным кругам. А впоследствии работали с ним и с остальными проходчиками без конфликтов, достигая, как говаривал наш генсек Горбачёв, полного консенсуса.

РИСКОВАННЫЕ СИТУАЦИИ

Однажды, при подготовке к проходке очередного ската, произошло обрушение завивки, в которой сверху вниз требовалось навесное оборудование для лебёдки установить. Купол образовался солидный, породы на штрек высыпало порядочная куча. Надо восстанавливать выработку, но рабочие опасаются нового обрушения.

Что делать? Полез сам в этот купол. Сел на кучу породы под куполом, сию, голову вверх задрал и внимательно разглядываю висящую надо мной породу: на первый взгляд – жутковато, но если внимательнее присмотреться, то опасности большой нет, то, чему надлежало упасть – упало, опасных заколов не имеется, так что нового обрушения не должно быть.

Оценил я обстановку, немного освоился и кричу вниз, обступившим кучу снизу проходчикам:

-Ну, что, мужики! Не капает же?

Стали они по одному подниматься, друг другу лес подавать, и «леса» сооружать. А как подхватили кровлю, так и вообще дело закипело.

БЕЗРАССУДНЫЙ ПОСТУПОК

Проходчики участка №4 проходили скат на пласту пологого падения. Высота столба небольшая, всего около сорока метров. Но приток воды бешеный, не успеваем откачивать. Поэтому проходка велась на скважину диаметром, как помнится, 500 миллиметров. Во время взрывных работ, как обычно при пологом падении, закладываем в скважину чурку, чтобы после отпалки пошевелить её канатиком и не нарушить проветривание и проход воды. Но в тот раз не помогла и чурка, захлестнуло скважину. Естественно, вода мгновенно заполнила весь объем пройденного ската.

С конвейерного штрека решено было попытаться разбутить с помощью бурового инструмента. Установили БГА-4, стали поднимать инструмент. Но вода размыва скважину, разалданило так, что инструмент, поднимаясь по стенке разрушенной скважины, упирается и не попадает в место заперемычивания. Как направить инструмент, приподнять немного? Хорошо бы залезть и подложить под него чурку.

И вот крепильщик Шишкин говорит:

-Давайте, полезу и приподниму инструмент!

Приподнялся он на десяток метров, но дальше не решился подниматься, не хватает воздуха. Спустился. Тогда я решил попробовать. Привязал к поясу, как водится, канатик, чтобы потом можно было поднять требующийся по обстановке подсобный материал. Втиснулся в скважину, хотя и тесновато, но по «голому» инструменту вполне сподручно подниматься. Поднялся до той же примерно отметки, что и Шишкин, действительно, не хватает воздуха, тем более подъём. Прижался к штангам, отдыхаю. Вода по инструменту струйкой бежит, по щеке. Приятно. Отдышавшись, вижу, жить можно. Хотя и воздух

спёртый, но вполне жизнедеятельный. Добрался до самого верха. Здесь уголь, порода попеременно со срубом и затяжкой перегородили скважину, вернее то, во что превратилась скважина. Крикнул вниз, чтобы привязали к канатику затяжку, которой и распёр забурник бурмашины.

Осторожно, не торопясь, спустился вниз. А слесарь между тем нарастил кабель дистанционных кнопок метров на пятнадцать. Мы всё же проявили предусмотрительность, отошли в сторону!

-Ну, что? С Богом! - проговорил бурмашинист Климов, и включил машину. Буровой инструмент поднялся на длину одной штанги, и тут из скважины как фукнет! С сокрушительным напором вырвалась масса воды, угля и прочего добра. Сила удара была такой, что головной привод скребкового конвейера сорвало с места, и отбросило в сторону, словно пушинку!

И только в этот момент дошло до сознания, что же грозило нам, когда находились в скважине, и даже под скважиной, случись в тот момент прорыв такой массы воды.

ПОДАРОК ЧИНОВНИКА

Вот сейчас «на щит» поднимают «миллионщиков», бригады, работающие в механизированных лавах. Конечно, впечатляет большая добыча. И вроде бы наши объёмы на их фоне выглядят скромно. Но сравнение здесь не годится. Потому что условия труда несравнимы, и наша добыча, к примеру, в сотню тысяч тонн вполне сравнима с добычей в механизированной лаве.

Приезжал к нам в 1985 году председатель профсоюза Шалаев. Надо сказать, кстати, что до этого он был какое-то время министром лесного хозяйства.

Познакомили его с шахтой, с работой профсоюза. Естественно, непосредственно в шахту спустились, чтобы с условиями нашего труда познакомиться. Пришли в забой. Говорим ему:

-Давайте покажем вам, как мы крепим забой, подхватываем крепление, чтобы поддержать кровлю.

А работали в том забое поперечно-наклонными слоями, стойки для крепления шесть метров длиной! Ребята споро, мастерски кружок закрепили при нём. Посмотрел он внимательно за работой забойщиков, на то, как они орудуя топором: срез такой ровный и точный, словно бритвой отрезают, и говорит:

-Конечно, как уголь добывать, я не понимаю. Но как красиво вы рубите лес! Не работа, а искусство! Это я, как работник лесной промышленности, могу оценить, и восхищаюсь!

И в этот момент мы посетовали на то, что наши шахтёры без отрыва от работы хотели бы отдыхать в шахтовом профилактории. Но нужен автобус, к тому же ремонт в корпусах требуется сделать. А средств на это благое дело на шахте не имеется.

- Подумаю, как помочь, - пообещал Шалаев.

И вскоре подарил нам автобус и 500 тысяч рублей на ремонт профилактория выделил! Это на моей памяти самый продуктивный приём высокопоставленного чиновника оказался.

«Шахтёрская правда», 28.02. 1969г.

ГЕРОЙ В ГОСТЯХ У ГЕРОЕВ

Насыщены, очень насыщены встречами немногие дни пребывания героя космоса Б.В. Волынова на родной земле Кузнецкой.

Но мы, прокопчане, можем гордиться, что большую часть времени Борис Валентинович провёл в нашем, ему родном городе. Встречи с покорителем земного пространства незабываемы для прокопчан

Одна из них состоялась вчера с горняками ордена Ленина шахты «Коксовая-1».

Встреча на шахте была не продолжительной, но она обязательно войдет в ее историю.

На часах 9-45... Давно прошёл утренний наряд, но в раскомандировочном зале шахты очень многолюдно: подобного не бывало даже в самые напряжённые часы «пик» всех нарядов.

Над входом в комбинат лозунг: «Слава герою космоса!». А вот ещё один: «Шахтерский привет нашему земляку Борису Волынову!» Эти слова пламенеют в раскомандировочном зале.

И вот космонавт-14 на шахте. Вместе с ним секретари обкома КПСС А.Ф. Ештокин, Л.А. Горшков, председатель облисполкома П.В. Гузенко, секретарь горкома КПСС М.Н. Коноваленко, председатель горисполкома А.Н. Паяльников.

Дорогих гостей встречают управляющий трестом «Кировуголь» Н.С. Арсенов, начальник шахты «Коксовая-1» В. Е. Малахов, представители общественности и провожают их в кабинет начальника шахты. Здесь уже собрались лучшие из лучших горняков, те самые, кто составляет поистине золотой фонд шахты. Так состоялась эта

незабываемая встреча покорителя межзвездного пространства с покорителями подземных недр.

Герой в гостях у героев!.. На груди каждого из них знаки, свидетельствующие о высоких заслугах перед Родиной: звезда Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда, ордена, знаки «Шахтёрская слава».

Долго не смолкали аплодисменты, когда Борис Валентинович сказал, обращаясь к собравшимся:

- Когда я ехал на свою родину, наши летчики-космонавты просили меня передать вам, горнякам Кузбасса, их сердечный привет.

Начальник шахты В.Е. Малахов рассказывает Борису Валентиновичу подробную историю шахты, говорит о заслугах её горняков перед Родиной, особенно в годы Великой Отечественной войны.

Свидетельство этого - переходящее Красное знамя Государственного Комитета обороны, которое, вручено коллективу на вечное хранение.

А в послевоенные годы коллектив шахты был удостоен высшей правительственной награды - ордена Ленина. Так правительство оценило заслуги горняков в деле освоения новых видов техники, совершенствования технологии разработки угольных пластов и улучшения организации труда, - заканчивает В. Е. Малахов.

Интересными, сообщениями дополняет его рассказ первый секретарь обкома КПСС А.. Ф. Ештокин.

-«Коксовая-1» - не просто флагман наших горняков, но и кузница замечательных кадров, - отметил он.

Между летчиком-космонавтом Б.В. Волиновым и присутствующими завязалась оживленная беседа о шахте, о космосе. Борис Валентинович подробно ответил на многочисленные вопросы горняков.

На прощанье горняки вручили Б.В. Волинову памятный подарок и пожелали ему новых побед в освоении космического пространства.

УРАГАН 2004-го

*Алексей Полозок,
заместитель главного инженера
по производственному контролю*

Всем известно, что шахта является особо опасным предприятием по многочисленным факторам, наиболее важными из которых являются скопление метана и других вредных газов, большие притоки вод, производство работ под землёй на больших глубинах.

Обеспечение жизнедеятельности подземных предприятий, безопасности работающих – одна из главных составляющих обязанностей

руководителей шахт и смежников.

Шахта не может существовать без проветривания, водоотлива, подъёмных установок, подогрева подаваемого воздуха. Обеспечение в рабочем состоянии перечисленных компонентов без наличия электроэнергии невозможно. Так оно и было всегда, до 17.02.04г.

17 февраля на юг Кузбасса, в том числе и на Прокопьевск, обрушился ураган. В 12 часов 15 минут весь город оказался без электроэнергии.

На протяжении двух суток в многочисленных переходах и коридорах комбината шахты «Коксовая» было неуютно из-за темноты: предприятие было полностью обесточено из-за аварии на сетях 110 кВ, произошедшей 17 февраля. Это стало следствием стихии, обрушившейся на город

Особенно болезненно отсутствие электроэнергии сказывается непосредственно в шахте. Именно в такие моменты приходит полное понимание того, насколько зависимо угольное предприятие от многих факторов, поддерживающих его жизнедеятельность. Основным, безусловно, является наличие бесперебойного электроснабжения.

Вот и на этот раз на грани катастрофы оказалось многотысячное предприятие. Остановились насосы производительностью в 500кубометров воды в час, следствием чего является стремительный приток воды и реальная угроза затопления горных выработок. Остановились вентиляторы проветривания – возникла угроза загазования всей шахты опасной концентрацией метана.

Всё руководство в этот момент находилось в шахте. Когда исполнявший обязанности директора шахты М.Д Капустин подошёл к стволу, еще слышен был гул работающих насосов. Именно в этот момент работа насосов прекратилась. Непривычно замерла рудничная атмосфера, так как остановились вентиляторы общешахтного проветривания. В шахте установилась непривычная тишина.

Капустин немедленно стал звонить в объединение, узнавать, в чём дело. Картина стала проясняться: как сообщили, на поверхности

свирепствует ураган такой силы, что срывает крыши домов, и, по всей видимости, свалило высоковольтную мачту.

Первоначально никто не ожидал, что остановка произошла на длительное время, ожидали, что минут через 20-40 энергию включат, и шахта восстановит свой рабочий режим.

Однако в шахте находится вся первая смена, 668 шахтёров, и больше рисковать нельзя. Через 30 минут отсутствия электроэнергии принимается решение об экстренном выводе людей из шахты. Дежурный по шахте, получив указание о действиях согласно плану по ликвидации аварий, дает указание связистам передать срочное сообщение во все забои шахты о немедленном выходе на поверхность.

Людям приходилось выходить по скатам, так как не работал подъём. С горизонта -135м на горизонт -35м поднимались скатами своих участков, затем с горизонта -35 по трём уклонам на горизонт +65 м, затем ходками - на поверхность.

Этим же путём передвигались до места работ и обратно все работники последующих смен по обслуживанию насосных, возведению дамб у ям, по разгрузке угля и др. так как подъёмы были обесточены и не работали.

Подниматься по горным выработкам в общей сложности приходилось почти на 900 метров. Преодолеть такой протяжённости вертикальные выработки не так просто, причём после физической работы, и у большинства рабочих, помимо средств спасения, при себе имелся рабочий инструмент. Но шахтёры - народ мужественный, паники не было. Так что организовано, не мешая друг другу, все люди из шахты благополучно поднялись на поверхность. За исключением тех, кому, по специальному наряду и по их желанию, предстояло приложить немало усилий для предотвращения затопления шахты.

Убедившись, что эвакуация людей благополучно завершена, Михаил Данилович Капустин также поднялся на-гора запасным ходком, чтобы непосредственно на поверхности возглавить штаб по ликвидации последствий аварии.

Первый вопрос: что с электроэнергией? Рассчитывали, что через некоторое время подача её возобновится. Однако из-за несогласованности и неоперативности действий энергетиков электроэнергия отсутствовала в течение 29 часов.

Два врага, которые угрожают жизнедеятельности шахты в случае обесточивания электроэнергии, это вода и метан. Это, пожалуй, равные по разрушительной силе враги. Простой расчёт: приток шахтовых вод составляет 500 кубометров в час. Так что с каждым часом простоя все горные выработки нижнего горизонта стремительно затопляются. В зоне затопления в этот раз оказались электродепо и клетевой ствол горизонта -165 метров, угольные ямы грузового ствола.

В такой нелёгкой ситуации люди проявили настоящую находчивость и выдержку. Для предотвращения затопления жизненно важных для функционирования шахты объектов - насосной станции водоотлива,

угольных бункеров - было немедленно организовано возведение дамб из мешков с глиной и песком. Однако вода заметно прибывала, и никто не мог сказать определённо, сколько времени может сооруженная дамба сдерживать воду, уровень которой поднимается с каждым часом.

Зам главного инженера по производству Анатолий Александрович Фомин, принимавший участие в боевых действиях в Афганистане, так оценит впоследствии ситуацию тех тревожных дней:

-Никто из руководителей цехов, участков в эти напряжённые минуты не покинул шахты. Здесь же, в комнате отдыха, на короткое время ложились отдохнуть и вновь возвращались к исполнению своих обязанностей. Как на фронте: один за всех, и все за одного!

Все стремились как можно скорее запустить шахту в работу. Дежурившие в нижних камерах водоотливной установки люди действовали чётко, не теряя самообладание. Что в последствии стало хорошим заделом при ликвидации аварийной ситуации.

Особо следует отметить чёткие, грамотные действия начальника участка водоотлива Александра Александровича Лейсле и механика Тальгата Халифовича Валиулина, которые постоянно находились на рабочем месте и умело организовали работы по ликвидации аварийной ситуации, тем самым не допустили затопления насосных камер.

Ожидая подачи электроэнергии, горные мастера водоотлива Н.Н.Галлиулин и Г.А.Панасевич с бригадой дежурных электрослесарей В.М.Денисовым, В.Х.Калгоф, А.И.Трофимовым, и Н.Х.Галлиулиным спустились в шахту, чтобы с самой первой минуты подачи энергии запустить насосы.

Но самое неприятное - это неизвестность, неопределённость. И в этот момент к ним послали подкрепление, в шахту срочно спустили резиновую лодку. Необычно в шахтовой выработке увидеть такой спасательный десант. Картина показалась настолько нереальной, что вызвала у дежуривших слесарей взрыв смеха, и напряжение у людей было снято.

Энергия поступила в 17 часов 18 февраля, и потребовалось целых шесть суток бесперебойной работы насосов, чтобы откачать воду с горизонтов -35 м и -135 м, что дало возможность запустить в работу подъёмы по стволам №1, ЦКС по перевозке людей и материалов.

В течение семи часов непрерывной работы бригада рабочих участка РВУ: Коробов Е.А., Чумаков Л.Н., Затворников А.В. горнорабочий транспорта Алояров О.Я. под руководством горного мастера Юсова С.В. возвели дамбу у угольной дамбы горизонта -135м. И не их вина, что под напором воды дамба не устояла. Уровень прибывшей воды превысил критическую точку, и дамба была разрушена. Вода хлынула в угольную яму и дозатор.

Работники шахты по сути дела совершили героизм: сдерживали напор воды в основных коммуникациях шахты более 16 часов, хотя по

правилам безопасности водосборники шахт рассчитаны на четырехчасовой максимальной приток воды.

Работники участка гидрозакладки (начальник Сапрыгин А.В.), гидротранспорта (Сапрыгин В.А.), ВШТ (и.о. начальника Смирнов А.В.) своевременно спустили воду из водоводов на поверхности, калориферов, чем предотвратили замерзание воды в них с последующим порывом водоводов и калориферов.

Шахтёры смогли спуститься в забои, чтобы начать работы по добыче угля, только после двух суток простоя шахты. Однако из скипового ствола вода все ещё не была откачана. Исходя из сложившихся обстоятельств, было принято нестандартное решение: обмен гружёного состава на порожний производить на вышележащем горизонте. Практически вынуждены были выполнять двойную работу: загруженные углём вагонетки из забоев нижнего горизонта поднимались по уклону на выше лежащий горизонт. Однако, в результате такого шага, два очистных участка на горизонте –165 метров уже на третьей сутки, после непредвиденного простоя, получили возможность работать с производительность в 250 тонн угля в сутки.

29 часов отсутствовала электроэнергия. Однако шахта имеет особую специфику. И если на заводах практически сразу после подачи электроэнергии возобновляется функционирование всех цехов, то «Коксовой» потребовалось ещё трое суток, чтобы запустить забои в работу. И то только благодаря слаженной работе всего коллектива.

Первоначальная задача стояла, конечно же, откачать воду из жизненно важных выработок, остановить угрожающий приток воды. Запустили на каждом горизонте по насосу, а через час, после произведённой ревизии и просушки статоров, запустили ещё по насосу. Постепенно уровень воды стал уменьшаться.

В эти напряжённые для шахты дни коллектив работников шахты показал верность предприятию, понимание случившегося, каждый работник отвечал на все просьбы, указания руководителей по спасению предприятия, беспрекословно, с высоким чувством ответственности исполняя порученную работу, не считаясь ни со временем, ни с трудностями.

И только 23-го февраля, через шесть суток напряжённой работы, шахта смогла полностью восстановить свой прежний производственный процесс. Мало того, коллектив краснознамённого предприятия сумел и в этой сложной ситуации справиться с установленным заданием на февраль!

БЕРЕЖЕННОГО БОГ БЕРЕЖЕТ.

В.Баяджиев.

Этот случай, произошедший со мною, может показаться читателям незначительным и банальным. Но тем, кто работает в шахте, известно: безопасность труда—превыше всего. Пренебрегать правилами техники безопасности, нарушать производственную дисциплину чревато серьезными последствиями.

Я проработал на «Коксовой» долгое время подземным электрослесарем, а точнее - связистом. В то время я был дежурным связистом, работал в разные смены, в том числе и в ночную смену.

В ту смену поступила заявка: не работает телефон на угольной яме. Объект, конечно, очень важный, ведь весь поток добытого угля отправляется на угольную яму, а уж потом выдается на-гора.

Я приступил к поиску неисправности. Кабель связи проходил по руддвору, где есть и сточные канавы, и железнодорожные пути, по которым беспрерывно снуют электровозы, въезжая и выезжая из депо. Я шел по выработке, ведущей к угольной яме. Кабель здесь был не в лучшем состоянии: были соединения, пайки, насыщенные водой. Все приходилось переделывать. А на подходе к угольной яме, где на кабель оседает масса угольной пыли, его следует проверять с особой тщательностью. Кабель проходил по борту выработки или по самой кровле. И в любом месте могло быть повреждение. Я шагал по рельсам, по колее, просматривая кабель, и оказался в угольной яме да еще в том месте, где уголь выгружается из вагонов в яму.

К счастью, яма была переполнена и выгрузка в то время не производилась. Но об этом я подумал уже потом, в тот момент, когда я понял, где нахожусь, мне стало не по себе. Я отделался легким испугом, хотя последствия могли быть самыми непредсказуемыми. Ведь ограждение по бортам в этом особо опасном месте было, но я, увлекшись поисками неполадки, шел «напролом» Можно было, конечно, сослаться на то, что была ночная смена, на ряд других факторов. Я никому о произошедшем не рассказал — пронесло и, слава Богу! Повреждение было устранено, телефон функционировал. Но этот случай может послужить наукой другим шахтерам. А для себя я после этого твердо решил: «Безопасность превыше всего! Бережённного Бог бережет!» В назидание себе и другим я написал такую памятку:

Шахтер, спускаешься в забой-

Зря не рискуй ты головой.

И с дисциплиной будь в ладу,

Не накликай себе беду!

Помнить необходимо:

Залог успеха — дисциплина!

Тема безопасного труда шахтера всегда была актуальна, и в настоящее время является одной из главных составляющих успешной работы шахтеров. И крылатое у шахтеров выражение «Смотри в оба, зри в три!» говорит о многом.

БРИГАДИРЫ.

В.Баяджиев.

В конце 70-ых, когда моя трудовая деятельность только начиналась, друзья нередко говорили: «Молод, энергичен, живешь в Кузбассе, в угольном Прокопьевске, а подземного стажа не имеешь». Так я стал работать подземным связистом на шахте «Коксовая». А наставниками моими были шахтеры со стажем и большим жизненным опытом Андрей Тимофеевич Крюков и Владимир Ильич Вострецов. От них я многому научился и в профессиональном, и в жизненном плане. Оба они остро словы, любят пошутить, после смены могли позволить себе порою и «остограмниться», а потом поговорить о том, о сём.

Получив наряд, шахтеры спускаются в шахту и сыплют шутками да прибауткам и. Со многими я был знаком, поскольку прежде работал связистом на поверхности. Работал в то время шахтер-балагур по фамилии Одарыч. Был он атлетического сложения, высоким, стройным. Старожилы шахты, работавшие здесь ещё в то время, когда она носила имя Сталина, рассказывали о нем много интересного. В те времена щитовая система угледобычи только начинала внедряться. Родоначальником её был инженер-академик Николай Чинакал. Одарыч был в числе тех, кто начинал работать под щитами и добивался больших трудовых достижений. На таких, как он, равнялись трудовые коллективы, у них учились новым методам и приемам работы.

Значительно позже Одарыч стал работать на участке профилактики и техники безопасности (ПРТБ). Спускался в шахту он всегда рано, основной его обязанностью было взятие проб на анализ из перемычек, законсервированных выработок. Рано выезжал из шахты, доставляя пробы в специальную лабораторию.

Маршруты Одарыча постоянно менялись, но мы часто встречались с ним у ствола или в клети. Он непременно подтрунивал надо мной и однажды обратился ко мне: «Ну, как дела, бригадир?» Мои наставники, услышав такое обращение, удивились моему неожиданному продвижению по служебной лестнице. А мне бригадиром быть не приходилось, но по роду службы в шахте приходилось бывать везде, ведь связь нужна на всех участках и горизонтах.

В то время на шахте был горизонт 100 метров — прирезка шахтного поля в сторону шахты «Ноградская». На этом горизонте работала проходческая бригада, руководил которой Гильмутдин Идрисов. Бригада, руководимая им, добивалась наивысших производственных показателей, проходка основного направления велась ускоренными темпами. Гильмутдин Гайфутдинович Идрисов в 1966 году был

удостоен высокого звания «Герой Социалистического Труда». Мне довелось встречаться с ним на рабочем месте — на участке где не работал телефон. Внешне Гильмутдин выглядел спокойным, уверенным, был немногословен. Вежливо и очень четко объяснив, где находится телефон, он занялся своими делами, Неисправность была устранена быстро, Идрисов поблагодарил за помощь.

Даже за время короткого общения осталось о нем хорошее впечатление. Не обладая большой грамотностью, Г.Г. Идрисов был профессионалом, в совершенстве знающем свое дело, любящим профессию.

Приходилось встречаться со знатным шахтером, бригадиром проходчиков, кавалером ордена Трудового Красного Знамени и других наград Василием Ивановичем Безгодовым. Он уроженец Алтая, а Прокопьевску, профессии шахтера остался верен всю жизнь. Гильмутдин Идрисов и Василий Безгодов работали на одном участке, дополняли друг друга и были гордостью трудового коллектива ордена Ленина шахты «Коксовая». Василий Иванович сейчас находится на заслуженном отдыхе, но продолжает трудиться на благо родного предприятия, теперь уже в ветеранской организации, добросовестно выполняя разные поручения.

Не менее известен и бригадир Василий Яковлевич Назаров, который начинал работу на шахте в годы войны. Возглавляемая им бригада проходила скаты и не однажды устанавливала рекордные показатели. В 1942 году было пройдено за месяц 120 метров ската. Это был рекорд Кузбасса, он стал гордостью шахты. Прекрасный специалист, требовательный и исполнительный, Василий Яковлевич долгое время работал дежурным на шахте. Сейчас он на заслуженном отдыхе, но и сегодня многие горняки добрым словом вспоминают толкового бригадира.

Помнят шахтеры «Коксовой» и то время, когда появились комсомольско-молодежные бригады. Одну из них возглавлял бригадир скатчиков, энергичный человек и талантливый горняк Владимир Хамицкий. Бригада работала слаженно и стабильно. Именно в то время стала известна фраза: «Сегодня — рекорд, завтра — норма!» Бригада Хамицкого претворяла в жизнь этот лозунг каждый день.

Традиции в коллективе продолжают жить. Стабильно работает коллектив, возглавляет который Ринат Сагестдинов, занимающий призовые места в соревновании трудовых коллективов УК «Прокопьевскуголь».

Наше повествование посвящено бригадирам проходческих коллективов, но это не означает, что среди очистников на «Коксовой» нет передовых коллективов. Наступивший, 2005 год, для шахты «Коксовая» - юбилейный: в декабре коллектив отметит 70-летие. И у коллектива есть реальные возможности ознаменовать эту знаменательную дату плодотворным, ударным трудом.

ПРОХОДЧИК I-й РУКИ

Александр Гаврилов

Выходец из деревни, я вообще-то и слыхом не слыхивал о такой работе, как «копать» уголь под землёй. О выборе профессии решили обстоятельства послевоенного времени и воля тех, кто имел право решать судьбы людей не интересуясь их собственным мнением. Будучи человеком ответственным и трудолюбивым, вполне вписался в шахтёрскую среду и не никогда жалел о том, что так сложилась жизнь.

В семейном архиве хранится небольшая заметка из районной газеты за 1943 год, в которой говорится о том, что колхозник Саша Гаврилов, 16-ти летний парнишка, выполнил норму на 200%. Это обо мне!

В июне 1942 года мой отец ушел на фронт. Чтобы не оставаться с мачехой, уехал я к бабушке в деревню. Вот там и познал на практике крестьянские дела. А в войну, известное дело, пахали, боронили землю. Сеяли, косили траву с утра дотемна. Стране нужен был хлеб. В те времена техники не было, всё делалось вручную и на конях. Я пахал на сменных лошадях, то есть лошадей-то меняли, а я на них работал один весь световой день. Потому что некому было, людей не хватало. Так что по две упряжки ежедневно, вот таким образом и получилось: 200%.

Война закончилась победой нашей армии и тыла. Отец, Аким Андреевич, вернулся с фронта в звании лейтенанта. И стали мы работать на ткацкой фабрике в городе Елабуга. На фабрике, впервые в моей трудовой биографии, за примерную работу наградили отрезом на костюм и материалом на пошив нижнего белья. Надо ли подчёркивать, что в те времена это было большой удачей.

На всю жизнь для Александра Акимовича примером стал родной отец Аким Андреевич. Однажды соседи принесли газету «Труд», в которой было сказано о присвоении звания Героя Советского Союза. Отец немедленно выехал в Москву и добился приёма у Калинина, который и вручил ему звезду Героя.

А шахтёром стал нежданно-негаданно. Впрочем, это было довольно широкой практикой в тот послевоенный период, когда шахты буквально останавливались из-за недостатка рабочих рук. Службу в армии тогда заменяли работой на шахте. Осенью 1947 года пришла повестка от военкомата, как призыв в Армию. Забрали у меня военный билет и паспорт и отправили в город Казань, в котором сформировали человек 100, из тех, кто ещё не служил в Армии, и повезли в Сибирь. Только в Новосибирске сказали, что везут нас на шахты работать на три года, в счёт службы в Армии. Так потом было указано в военном билете.

Та группа парней, в которой я был, попала в Прокопьевск, где без промедления направили в ФЗО №102, что на Ясной Поляне. Два месяца производственной практики, с помощью которой познали азы

шахтёрского труда. Некоторые парни сбегали из города, но их ловили и возвращали обратно.

В январе 1948 я работал уже самостоятельно, проходчиком II-й руки, на участке №25, шахты имени Сталина. Правда, в те времена техника была не ахти какая, работать по породе приходилось вручную. Очень трудоёмкая работа и много породней пыли. Об орошении тогда ещё речей не заходило.

Работа проходчика понравилась. Да и вообще работа в шахте мне как-то по нутру пришлась, я так размышляю: «Почему мне в шахте нравилось работать? Как бы это поточнее выразится: шахта, это та стихия, в которой почувствовал себя уверенным, при настоящем деле...».

И что ещё нравилось, так это работа в подземных условиях на различных механизмах. Вообще я быстро осваиваю любую технику, управление ею: обуривание забоя буровыми каретками, выгрузку породы машиной УМП-1. Уже через три месяца мне повысили рабочую квалификацию – стал я проходчиком I-й руки. Мало того, еще и звеньевым назначили в бригаде.

Летом ко Дню шахтёра 1948 года наградили велосипедом. Жил тогда в общежитии по улице Фасадная (сейчас Проспект Шахтёра), 12. Велосипед держал в комнате, а как на работу идти, отдавал в каптёрку, под личную ответственность коменданта общежития.

Приоделся, как положено, сам чувствую – возмужал, и в свой очередной отпуск оправился на побывку в деревню к бабушке, которая являлась для меня второй матерью. И, конечно же, прихватил с собой велосипед. Так в деревне все рты разинули от удивления, мол, вот тебе и Сашка Гаврилов - шахтёр, какой богатый!

Многие мои сверстники, поработав в шахте и получив отпуск, уехали и назад не вернулись. Но я уже не мыслил другой профессии, и, вернувшись, продолжал также работать в проходке. Познакомился и дружил со своей будущей женой, Екатериной Кирилловной, она тоже шахтёрка, работала табельщицей на этой же шахте. После учёбы на 6-ти месячных курсах горных мастеров от комбината «Кузбассуголь» направили меня на этот же 25-й участок шахты им. Сталина, но уже с назначением в должность горного мастера. Участок был очень большим и знаменитым. Здесь работали такие знаменитые бригады, как Николая Матлюка, Фёдора Устиновича Мотольцкого. Работали в четыре смены, нужно было срочно готовить выемочные забои и давать уголь.

Горный мастер на подготовительном участке, это очень ответственная работа, нужно проверить и соблюдать направление выработки и нивелировку, чтобы не было переподъёма, особенно ответственна разделка сопряжения, то есть по-простому: развязка узла с другой выработкой.

Когда на шахте требовалось быстро подготовить забой, туда меня и направляли. Потому что были навыки, и выучка работать на любой машине по проходке, и знал все проходческие комбайны.

Запомнились скоростные проходки бригады Идрисова, когда был установлен рекорд Кузбасса по проходке основного квершлага. До сих пор восхищается А.А.Гаврилов чёткой организации работы, когда в забое трудилось 10 - 12 человек. И каждый чётко знал свои обязанности. Особенно напряженно проходила первая смена. Такое представить трудно, словно арена боевых сражений: на ограниченном пространстве трудится до 15 человек, без конца туда-сюда снуёт электровоз с порожняком или с грузом, громыхают цепями две погрузочные машины ППМ и натужно стрекочут две буровые каретки КБМ-2, вгрызаясь своими коронками в крепкую породу.

Роль горного мастера, в коей находился Гаврилов, сводилась в основном к тому, чтобы следить за организацией производственного цикла и чтобы в забой не попал посторонний человек. Даже вывеску вывешивали на закруглении к забою: «Посторонним вход запрещён!»

В 1973 по просьбе треста «Прокопьевскуголь» А.А.Гаврилова вызвал Анатолий Иванович Петров и предложил перейти работать в горное училище №9. На шахте не хватало механизаторов.

Принял Гаврилов группу обучающихся (машинисты горных машин). Группа была очень тяжёлой, за два года здесь сменилось пять мастеров производственного обучения. Но у Александра Акимовича за два года обучения, до выпуска на самостоятельную работу, эти самые ребята стали такими послушными и умными, не налюбуйешься. До сих пор с некоторыми из них поддерживает он связи.

В то время в «девятом» училище работал директор Давыдов Николай Иванович. Он всё время удивлялся, как можно так воспитывать детей, что из категории «трудных» они становятся послушными и не хулиганят!

А секрет простой, надо отдавать им тепло своей души, постоянно находиться с ними. К примеру, ездил с учениками три раза на конкурс профессионального мастерства машинистов горно-выемочных машин в город Ленинск-Кузнецкий. Брал с собой самых отчаянных ребят. И пока велись тренировочные работы, жил в общежитии, и ночевал вместе с ними. Другие мастера жили в гостинице, а я только с ними. Они мне всё откровенно рассказывали, делились своими прежними похождениями...»

В 1977-м я пошёл на пенсию, рассчитался. Думаю: «Всё, буду отдыхать!» Однако не тут-то было. В октябре приезжает сам Николай Иванович, то есть директор и просит, чтобы я довёл группу учащихся до конца, то есть ещё два года, иначе они, ученики, даже в училище не стали ходить, говорят, дайте нам нашего мастера Александра Акимовича. Вот так и пришлось доводить до ума наших деточек.

А с 1990 нахожусь на своей шахте членом совета ветеранов и курирую обеспечение больных и престарелых шахтёров топливом.

В ДРУЖБЕ С ПОЭЗИЕЙ

В.Давыдов

Нина Григорьевна Соснина, ветеран труда шахты «Коксовая».

За свой 30-летний период добросовестной работы на рабочих должностях, как говорится: «многократно отмечалась почётными грамотами и подарками». Но разве можно полной мерой измерить вклад рядового труженика в коллективный труд, благодаря которому только и возможна успешная работа любого предприятия?

Не устаю удивляться внутренней энергии наших ветеранов, в прошлом простых, рядовых рабочих любого производства, будь то крестьянин, строитель, токарь, шахтёр. В каждом из них без исключения кроется своя «изюминка», способная удивлять неожиданным поворотом судьбы, увлечённостью в какой-то особой, неожиданной сфере...

Внутренней потребностью, основным жизненным призванием Нины Григорьевны Сосниной, несомненно, является поэзия. А я вот о чём подумал. Поэты, они живут каким-то своим особым миром. В каком-то поэтическом видении всё представляют. Вот и Нина Григорьевна показала мне более десятка пухлых тетрадей с записями стихов, написанных ею в течение многих лет.

...Так сложилась жизнь, что деревенской девчонке не суждено было получить образование. Вся её «семинария» состоялась из трёх незаконченных классов сельской школы.

Через всю жизнь пронесла она увлечение поэзией. На строгий суд поэтов, или попасть в поэтические сборники, не претендовала, но вот что характерно, своих слушателей, свою аудиторию находила. Простые слова, от души сказанные, о насущном, о жизни, о трудностях бытия находят понимание в сердцах таких же тружеников, как и она сама.

Особенно тепло в военные и послевоенные годы школьников, среди которых была и Нина Соснина, встречали в эвакуационных госпиталях города, в которых ребята декламировали стихи и пели.

На войну уходил молодым,
А вернулся седым.
И его не узнала жена,
Седина ты моя, седина.

Так в эвакогоспитале, располагавшемся в помещении нынешнего Горнотехнического колледжа, школьная агитбригада, как стали называть этих самодеятельных артистов, была частым посетителем и желанным гостем. Ребята, выступая перед ранеными, составляли юмористические сценки, которые разыгрывали под аплодисменты благодарных зрителей. Наградой же было сознание того, что помогают раненым быстрее поправить здоровье.

- Стихи ко мне приходят ночами, - говорит Нина Григорьевна. - Это особенность всех поэтов. Наверное, потому что ночами никто и ничто не

отвлекает от творческого настроения. Вот поэтому на столике рядом с кроватью я постоянно держу наготове тетрадь и авторучку.

-А после гибели сына, - признается она, - вообще плохо сплю. Бессонница одолевает. Стихи – это моё спасение. Когда пытаюсь слова и чувства свои переложить в стихотворную форму, то становится легче.

Работать она стала наравне со взрослыми на колхозных полях в десятилетнем возрасте.

А с 1949 года на шахте имени Сталина («Коксовая») на протяжении тридцати лет работала в ламповой, обеспечивала надёжную работу аккумуляторных светильников, без которых шахтёру под землёй невозможно находиться.

В начале 1954 года Василий Ковалёв, начальник транспорта, пришёл к начальнику ламповой Александре Ивановне Дякиной и попросил:

-У меня не хватает зарядчиков для обслуживания аккумуляторных электровозов. Выручайте, дайте кого-нибудь из своих ламповщиц, из тех, что пошустрее!

А у Сосниной права были универсальные, которые дают право в шахте работать. Александра Ивановна и говорит:

-Пойдёшь, Нина, не побоишься под землёй поработать? Надо выручать шахту!

Так вот с 1954 по 1957 год и довелось Нине Григорьевне непосредственно в подземном депо работать, электровозы на линию выпускать.

Обслуживала батареи, и, в случае необходимости, с ремонтом электровоза справлялась: лампочку заменить, или обрыв в электропроводке устранить.

Заезжает как-то в депо машинист «на буксире», то есть его электровоз на канате тянет другой электровоз.

- Не пойму, Нина, - говорит. - Машина как-то враз «сдохла»! Батарея только что с зарядки, сильная должна быть... А вот надо же - не тянет, и фары, смотри, еле-еле горят...

-Наверное, перемычка на батарее перегорела или ослабло крепление – предположила Нина. И по перемычкам, которые соединяют элементы батареи, стала деревянной рукояткой молотка постукивать в поисках разрыва контакта. И точно, одна из перемычек оказалась не затянута гайкой, лампы фар машины ярко вспыхнули ярким светом.

--Давай-ка, я сам заверну гайку, - обрадовался машинист Василий. Взял он гаечный ключ из рук зарядчицы. Но так неосторожно, что тут же выронил этот ключ прямо на раскрытую батарею. Естественно, ключ перекинул контакты батареи, и от искр замыкания с оглушительным звуком стал взрываться водород в элементах батареи. Представьте себе орудийную канонаду, будет точная картина! А гаечный ключ, от высокого тока батареи, стал раскаляться прямо на глазах, словно простая проволока. Того и гляди, что расплавится.

Машинист от неожиданности присел вниз, прячась за бортом электровоза.

Нина, не теряя самообладания, решительно ухватила плоскогубцами ключ, с усилием оторвала его от контактов батареи и отбросила в сточную канаву.

Об этом инциденте особо не распространялись, но после этого к батареям Нина Григорьевна никого уже не подпускала.

Потом уже, по прошествии многих лет, она так скажет о своей работе на шахте:

-В коллективе машинистов подземных электровозов мне нравилось работать. Дружелюбная деловая атмосфера. А машинисты, ребята отзывчивые, всегда помогали, если мне одной что-то трудно было сделать, например, при перекачке батарей.

-Но были и неприятные моменты, - продолжает свои воспоминания Нина Григорьевна.

- Например, работая на 100-м горизонте в праздничные дни, побаивалась в шахте находиться. Там, незадолго до этого, погибла девушка-шахтёрка - оператор подземного транспорта. Она перед надвигающимся электровозом с груженым составом вагонеток переводила стрелку, споткнулась, и попала под вагонетки. Было очень жалко её, и мы очень переживали, жалели, что так неосторожно погибла. Так вот, когда остаёшься в депо одна, и в шахте устанавливается пронзительная тишина, то слух обостряется. Даже слабый звук от горного давления на стойки крепления можно было услышать. И вот в этой тишине чудился мне жалобный женский голос: «А-а, а - ах!..» и «О - о-о-ох!»

С 1949 по 1975 год трудилась Нина Григорьевна в ламповой шахты «Коксовая», за исключением трёх лет работы в шахте на участке ВШТ (внутришахтного транспорта).

-Трудились мы на совесть, - и с гордостью показывает знак «Ударника коммунистического труда». - Вы представить себе не можете, с какой гордостью носили мы это звание! И всей своей работой стремились оправдать это звание.

«Моя «Коксовая»

«Коксовая» – это праздник наш,
Мною в грязь судьба твоя не брошена.
Тянется здесь мой шахтёрский стаж,
С первой половины века прошлого.

В ламповой, где покоряют пламя,
Чтоб была доступной глубина,
Лампами, заряженными нами,
Шахты глубина освещена.

А работа в шахте не игра,
Мне пришлось здесь потрудиться в поте.

И благодаря моей работе,
Уголёк катился на-гора.

В шахте, где железа ржавь - не розы,
Где порода раскисает в слизь,
Я лечила вас, электровозы,
Я давала вам вторую жизнь.

И сегодня притерпелись раны,
За судьбу у «Коксовой» в долгу,
Я тружусь в Совете ветеранов,
Я без шахты просто не могу!

В 1975 году вышла на пенсию. Оформляя расчёт, в связи с выходом на пенсию, в отделе кадров ей предложили:

-Нина Григорьевна, нам требуется, в пионерский лагерь на второй сезон, в помощь поварам посудницы. Может, поработаете лето в пионерском лагере? И подработаете немного, и сами отдохнёте на природе? Согласилась. Но в первый же день работы приезжает в лагерь сам директор шахты Анатолий Михайлович Потурилов, и заводит с Ниной Григорьевной разговор о том, что так и не смогли найти повара. И, следовательно, надо взять ей заботу о питании детей на себя.

-Уговорил, конечно же, Анатолий Михайлович меня поработать поваром на один сезон. Деваться некуда, ведь детишек - то кормить надо. И знаете, справилась! По сути дела работа та же, что и дома, когда еду готовишь, только здесь семья гораздо больше, 730 ребят! На такую ораву одной картошки только почистить да отварить, сколько времени требуется! Конечно, помощницы работающие у меня были, две молоденькие девушки помогали готовить, а ещё две помогали с посудой управляться. Но сами готовить они наотрез отказывались, перед такой ответственностью ещё робели.

Но ничего, все вместе мы хорошо справлялись. Чётко, по распорядку дня, отварим первое и второе блюда. Как раз зелень из земли стала появляться, я молоденькой крапивы нарву, да во все блюда посыплю. Так все ели с аппетитом: «Вкусно!»

Закончился сезон, и снова Анатолий Михайлович приезжает:

-Ну что делать? Нет повара, не нашли! Потерпи, поработай еще сезон!?

Устала я, но если такая необходимость, то делать нечего, продолжила работу. И ничего, осилила, да ещё к денежной премии благодарность мне дали. Я тогда на восемь килограммов похудела!

С выходом на пенсию связь с шахтой Нина Григорьевна по-прежнему поддерживает. И с гордостью утверждает:

- У нас на «Коксовой» Совет ветеранов, (кстати, который недавно отметил своё 45-летие) один из самых работоспособных в городе. И хор у нас отличный, называется «Сударушка». Мы на смотрах художественной самодеятельности всегда в призёры выходим.

-А ведь «шахтёркой», если говорить по справедливости, я стала благодаря известному прокопьевскому хирургу 30-40-х годов Михаилу Ивановичу Никифорову! Знаете такого?

-Как не знать такую легендарную личность - врача, который, рискуя жизнью, спустился в шахту и там, аварийном забое, провёл уникальную операцию, спасая жизнь горняка!

-Так как же ваша судьба оказалась связанной с таким легендарным человеком?

-Когда ещё девчонкой в колхозе работала, всего-то лет 12 мне было, несчастье произошло, по случайности серпом повредило руку. Ладонку

практически пополам перерубило, кисть только на сухожилиях и держалась. Колхозный фельдшер, как могла, лечила, делая ежедневные перевязки. Было ясно, что требуется госпитализация, но долго не было попутного транспорта. Все-таки 80 километров до Прокопьевска по осенней распутице - расстояние достаточно большое.

Когда Нина попала в Белую больницу (эта больница десятки лет, вплоть до подработки шахтой, являлась основным лечебным центром Прокопьевска), рука загноилась основательно, со всеми признаками гангрены. Врачи вынесли приговор: ампутировать кисть.

Вечером, накануне назначенного дня операции, приехал из Кыргая проведать внучку дедушка Владимир Григорьевич. В тулупе, в валенках с галошами, он ввалился в больничный коридор и потребовал:

-Где тут моя внучка? Хочу на неё взглянуть да посмотреть, как её здесь лечат!

Услышав деда, Нина выскочила из палаты и бросилась к нему в объятия. Рыдая, жаловалась: «Дедушка! Мне ручку хотят отрезать...»

На шум из ординаторской палаты вышел врач-мужчина, с небольшой бородкой и интеллигентными усиками. Строго заметил:

-Почему одетым, да ещё в таком лохматом тулупе, находитесь в больнице! Извольте раздеться!

Потом, словно запнулся, пристально вглядываясь в деда:

-А вы случайно, не Махнёв-ли, Владимир Григорьевич?

Дед подтвердил:

- Владимир Григорьевич, так и есть. Только что-то я не припомню...

Никифоров, а это был именно он, уже радостно обнимал Владимира Григорьевича:

-А припоминаете окопы «гражданской» 1918 года, нашу службу в Красной Армии? Я же вам ещё лечил глаза после осколочного ранения! Как можно забыть однополчанина, да ещё которого удачно вылечил!

Конечно же, Никифоров заинтересовался, что с внучкой его однополчанина случилось, осмотрел рану девочки. Затем нашёл лечащих врачей и стал спорить с ними:

-Руку надо спасать! На фронте мы даже с запущенной гангреной умудрялись спасать руки, ноги, а здесь нагноение еще не так прогрессирует.

Они ему и заявляют:

-Если берёте на себя такую ответственность, то давайте расписку!

-Никифоров тут же написал расписку, и на следующий день сам меня оперировал. А потом целую неделю лично перевязки делал. И рука поправилась! И служила мне всю мою долгую жизнь!

Нина Григорьевна с благодарностью вспоминает Михаила Ивановича Никифорова:

- Вот и получается, что благодаря этому Хирургу с большой буквы, я обязана своей трудоспособностью!

-Кстати, - вспоминает Соснина, -по приглашению дедушки Михаил Иванович приезжал летом 1946 или 1947 года в Кыргай, отдыхал в свой отпуск, очень любил он рыбалку.

А.ПОЗДЕЕВ.

СРЕДИ ЛЮДЕЙ

**Звезды
Прокопьевска**

Анатолий Константинович Терехов успел уже осмотреть все забои. Удовлетворённо заметил горнякам:

- Сегодня отпалим на пару кругов. Не меньше. Уголь-то сам просится на-гора.

На ходу улыбнулся люковому Грабченко, который был занят на верху углеспускного ската. Спустился по отвесным лестницам к люкам, распорядился, чтобы побольше подбросили порожних вагонов. И снова поднялся на сто метров вверх. Забойщики просили леса. А молодому подсобнику не под силу было одному поднимать почти шестиметровые лесины.

Кряхтя от натуги, спустил во все три забоя будто налитые свинцом огнивы, и заспешил вниз, к люкам, проверить, как подходит порожняк.

Лишь на минуту задержался Терехов у конвейера. Любит он посмотреть на искристый под лучами светильника уголь, деловито бегущий по приводам от забоя. Этот поток - верный признак налаженной работы - словно смывает усталость с тела, наполняет мускулы молодой силой.

И вдруг привод неожиданно дернулся раз, другой, беспомощно смолк.

Терехов бросился к скату. Растерянная суетливость Грабченко у банки, по которой уголь падает вниз, к люкам, сказала Терехову всё. Упустил люковой большой кусок угля. Тот расклинился в скате, перегородил русло потока.

- Шут ты гороховый! Сколько нервы мои трепать будешь! - взорвался Терехов. – теперь лезь сам банку разбучивать!

...Трудно складывались взаимоотношения у горного мастера Терехова с Василием Ивановичем Грабченко. Работать Грабченко мог, когда хотел. Но такое желание было у него не всегда. И тогда он искал повод увильнуть от дела. Весь он виден в том эпизоде, о котором сам же после рассказал рабочим.

Однажды Грабченко остановил привода. Объясняет молодому горному мастеру Валерию Лобко:

- Не имею права включать: цепь поднялась, ползет поверх угля.

- Включай, - приказал мастер,

И когда конвейер двинулся, ловко вскочил на цепь, чтобы собственным весом прижать её к рештакам.

Грабченко мгновенно выключил привод:

- Технику безопасности нарушать у меня! Марш отсюда! Сам управлюсь.

Подсмеивались над люковым товарищи:

— Тебе бы, Василий Иванович, быть начальником комбината.

- Лезь разбучивать, - повторил горный мастер срывающимся голосом. Необычно резкий тон мастера подействовал на люкового. Будто что-то сломалось в Грабченко, сдвинулось с места, исчезла его привычная насмешливая уверенность.

- Сейчас, Анатолий. Я сейчас, пику возьму.

Волна злости у Терехова схлынула. Он отодвинул Грабченко в сторону:

- Куда! Сам пойду.

Со струей воздуха из чёрного колодца бил в лицо столб угольной пыли. Она застилала глаза, через марлевый респиратор проникала в лёгкие, неприятно хрустела на зубах. Терехов смахивал рукой пот со лба, упрямо продолжал долбить длинной железной пикой неподдающуюся спрессованную массу.

Грабченко уговаривал мастера: - Анатолий, передохни. Сам все сделаю.

- Отстань, — хрипел от забившей горло пыли Терехов.

Два часа без передышки орудовал он пикой. И только когда угольная пробка, глухо ухнув, ушла вниз, Терехов осторожно сполз с уложенных на банку перекладин. С удовольствием разогнул онемевшую спину и обезоруживающе улыбнулся:

- Прости, Василий. Лишнее я сказал, погорячился. И, повернувшись уже, добавил: - Действуй тут. Пойду, потороплю ребят: успеем еще подкинуть уголька.

В этот день по дороге домой Анатолий Константинович не мог мыслями расстаться с шахтой. Больно переживал он то, что не сдержался, нагрубил Грабченко. Но тот тоже хорош: чуть всю смену не испортил.

Давно уже Терехов работает на шахте «Коксовая». И всё горным мастером. Те, кто не знает его, поглядывают косо: не растёт человек. Давно бы пора ему ходить в начальниках участка. Но Анатолий Константинович смотрит на дело иначе. По молодости, когда только пришёл на участок, тоже думал: что здесь особенного, немного обкатается, узнает все и двинет дальше по служебной лестнице. Может, потому так думал, что до обидного просто выбрал горное дело.

Родители его небогато жили в начале пятидесятых годов в оренбургском селе Алфёровка. Рассчитывать особо на их помощь не приходилось. Приехал в Кемерово, к дяде Фёдору Григорьевичу, спросил, где больше платят стипендию. И отправился в горный

техникум. Так в тереховской родне появился единственный шахтёр. А вот коснулся самого дела и понял, насколько это серьёзная, сложная профессия - горный мастер.

Бегут год за годом, но не может похвалиться Анатолий Константинович, что достиг той самой точки, которая завершает знания, необходимые горному мастеру. Оказывается, можно беспредельно расти в пределах одной должности.

Научился Терехов с первого взгляда, каким-то шестым чувством, определять поведение кровли, забоя, рассчитать напряжённый, но посильный для смены объём работ (его задание, которое хоть не намного, но должно быть выше наряда, данного начальником участка), распределить людей, каждому поставить конкретную задачу, чтобы получить наибольший результат. Но интерес к профессии, та самая живинка, о которой говорил ещё уральский сказочник Павел Бажов, ставят перед ним новые загадки. Вот и Грабченко - одна из этих загадок.

Шли дни, и Терехов замечал, как после стычки у ската заметно менялся Василий Иванович,

Даже его обычная говорливость стала другой. Незлобивой, без подковырок. Однажды он остановил мастера в шахте:

- В забое, куда нам наряд не дали, отбитого угля полно. Но скат завален. Возьмём его? Я смотрел, вдвоём быстро управимся.

Терехов хотел уже отмахнуться от неожиданного предложения, но подумал и согласился:

- Возьмём. Только в свободное от основной работы время.

И вот они, выкроив часок, затем другой, отгребали уголь, разбучивали скат. Орудя пикой в клубах пыли, Василий говорил Терехову:

- Теперь понимаю, как тебе тогда досталось. Помнишь аварию-то? - и, неожиданно рассмеявшись, добавил, - мягко ещё ты меня в тот раз отчитал.

Горные мастера после с недоумением спрашивали Терехова:

- Как ты подружился с Грабченко?

- Родство душ обнаружилось,- с обычной своей лукавой улыбкой отвечал Анатолий Константинович.

Очень сожалел Терехов, когда во время его отпуска Грабченко перевели на другой участок: хорошего работника лишили.

Сейчас много говорят о роли горного мастера на производстве. При этом вздыхают: превратился он в старшего люкогрузчика. Прав у него мало. Жена Терехова, добрая, приветливая Анна Ивановна, тоже порой подшучивает над мужем:

- Что, младший командир производства, опять синяк на плече набил?

Да, в забое он не останется в стороне, если надо поднять под кровлю огниву. Не пройдёт от ската, не прихватив по пути затяжку. И на люках помогает грузить уголь, толкать вагонетки.

Наработается так, что поджилки дрожат от напряжения. Но старшим люкогрузчиком его не назовёшь. Он прежде всего воспитатель, организатор смены. Недавно был я в шахте вместе с Тереховым. Наряд ему дали приличный. Но спустились в первый забой, оказалось, что подсобники в первую смену не успели доставить сюда затяжку.

- Придется, ребята, самим лес носить, - мягко говорит мастер.

В другом забое ворчит старый горняк Николай Роцин. Не нравится ему, что лес нестандартный, очень тяжёлый, что в поддавленной лаве не применишь взрывчатку и надо обирать грудь забоя где пикой, где отбойным молотком.

А Терехов словно не замечает его настроения. С лукавой улыбкой просит:

- Вы уж постарайтесь, вагонов десять здесь можно взять. Кровля, правда, что-то пошаливает. Придется подкрепить. У Цацурина большой добычи не будет: разрезка лавы.

Вчера у мастера была стычка с Роциным. Уголь по наряду надо брать, а с лежачего борта в забое не поставлено несколько стоек. На просьбу Терехова закрепить борт Роцин расшумелся:

- Вечно ты о другой смене беспокоишься!

Спорить Терехов не стал. Но после проверил, выполнена ли его просьба. А сегодня ведёт себя так, как будто не было вчерашней размолвки.

Бригадиру Геннадию Цацурну Терехов жалуется:

- Худо у Рощина, забой на доработке. Ты уж круга три отпали.

Ясно горнякам: прибудняется мастер, не так уж плохи дела.

А стараются. Из уважения. Да и знают: любую работу учтёт, оформит нарядом. Не выполнишь просьбу - вспомнит при определении коэффициента трудового участия, от которого зависит размер премии каждого рабочего. Не так уж мало прав у горного мастера. И роль его на производстве зависит прежде всего от него самого.

Нелегко труд горняка там, куда ещё не поспела техника. Восьмой участок, на котором работает Анатолий Константинович, разрабатывает мощные крутопадающие пласты наклонно-поперечными слоями с закладкой выработанного пространства. Вся надежда на пику, отбойный молоток, сверло, да на собственные руки. И то, что Терехов не чурается физического труда в таких условиях, особо ценят рабочие. Своей энергией, энтузиазмом он зажигает уставших людей.

Когда личный пример не помогает, идёт Терехов в семью горняка, беседует с женой, с ним самим. Сколько пришлось бывать на квартирах у Наумова, Пономарёва! Не сразу помогают беседы. Но в последнее время трудятся эти рабочие без особых замечаний.

Воспитательные способности Терехова высоко оценили коммунисты участка - опять выбрали его партгрупоргом. Значит, вновь беспокоиться Анатолию Константиновичу не только за свою смену - за весь участок. Хорошо, что есть у него надёжные помощники, такие, как Пётр Десятов, Михаил Лало, Геннадий Цацурин, Михаил Вяткин. Одни - его воспитанники, у других он сам многое перенял.

После того, как полтора года назад из бригады забрали почти всех ведущих горняков на другой участок осваивать механизированный комплекс, роль партгруппы особенно возросла. Много придётся поработать, чтобы участок, как прежде, стал ведущим на шахте «Коксовая».

Вот на днях Геннадий Цацурин пришёл к Терехову с предложением:

-Давай сделаем твою смену образцово - показательной. Подберём людей. А там...

- С первым твоим предложением согласен, - улыбнулся Терехов. - Только надо выходить в образцовые с теми людьми, которые у нас есть.

Признанием высокого мастерства Терехова стал недавний Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Анатолию Константиновичу Героя Социалистического Труда.

Одним из первых поздравил Терехова с наградой Василий Иванович Грабченко. Торжественно, как на представительном собрании, пожал руку мастеру, хотел что-то сказать, но растерялся от волнения, повернулся и ушёл. Что он хотел сказать? Может, поблагодарить от имени десятков таких же, как он начинающих в прошлом горняков, которых счастливая судьба свела в трудные для них минуты с Тереховым?

ЧАРОДЕИ В ПРЕИСПОДНЕЙ

Нина Засадная,

В лаве на глубине 300 метров под землей проведена операция во имя спасению жизни шахтера...

17 февраля 1997г. на шахте «Коксовая» обрушилась крепь очистного забоя. Под завалом оказался горнорабочий Александр Мазин. В 9.20 на место происшествия прибыли работники Прокопьевского ОВГСО во главе с командиром первого и оперативного взводов Анатолием Беликовым и Юрием Коруновым. В течение шести часов горноспасатели упорно пытались освободить из-под завала. Левая нога его была произведена головкой привода, размозжена. При нем постоянно находились медработники Александр Петренко и Сергей Зенин. Когда исчерпали все возможности освободить ногу, встал вопрос об ампутации.

Рассказывает помощник командира отдельного военизированного горноспасательного отряда Геннадий Львович КОЛОСОВ:

- Я ехал, зная, что буду делать операцию. Набор для ампутации был при мне. В условиях, в которых оказался забойщик, я был уверен, что смогу это сделать.

В шестом часу вечера спустились в шахту. В трех метрах от печи был «закуток», в котором находился Мазин. В полусидячем положении, правая нога свободна, а левая зажата головкой привода. Имеющимися у нас приспособлениями сдвинуть привод, на котором уже напластовалась угольная масса высотой в 5-6м, было невозможно.

А промежуток между стойками был такой, что я мог пробраться к нему только лежа на животе. Тянуть время было нельзя. Он слабел от боли, от холода, а мы не могли его даже накрыть – не было пространства. Он говорил:

- Ребята быстрее, я не могу больше.

Я сказал ему, что буду делать ампутацию. Показалось, что он плакал, но другого выхода не было.

Валера Гребнев наложил на ногу жгут. Анестезиолог Александр Евгеньевич Алехин дал наркоз – ввел в вену катетер, поставил капельницу. Я на ощупь, на уровне средней трети бедра, насколько мог дотянуться рукой, приступил к ампутации.

И наступила полная тишина. Только слышно было, как сверху сыпалась крошка.

Была опасность кровотечения из бедренной артерии, и если б плохо был наложен жгут, мы потеряли бы его в 2-3 минуты. Но все было надежно.

Наши два отделения сидели на трапах, как воробьи, в готовности начать транспортировку.

... Сорок минут шла несложная для обычных условий операция. Но здесь, когда от малейшего шороха дышала крепь, в этой преисподней, свершалось чудо.

И вот все позади.

Спасенного горняка надежно привязывают к трапу и на нем, как на носилках, в вертикальном положении спускают вниз по ходовой печи.

Пригнали электровоз. На культю наложили стерильную повязку. Наладили капельницу. И не спеша, в сопровождении спасателей, вывезли из шахты на поверхность.

Сейчас Александр Николаевич Мазин находится в отделении реанимации областной клинической ортопедохирургической больницы восстановительного лечения. Состояние его здоровья не вызывает опасений.

...Первая в Кузбассе бригада РПГ (реанимационно-противошоковой группы) была сформирована в Прокопьевске в 1983 году. Сейчас в области таких бригад 11, в нашем ВГСО – 3. Впервые ампутация была сделана в забое в 1935 году главным хирургом города М.И. Никифоровым. В 1981 году травматолог Р.Н. Абисалов повторил подвиг своего предшественника, решившись на ампутацию нижней конечности, прижатой многотонной глыбой. Случай на шахте «Коксовая» – это еще одно свидетельство выполнения врачом гражданского долга ради спасения жизни.

«ДУРА-СТОЙКА»

Анатолий БАБАНОВ

Это произошло на шахте «Коксовая» лет 15-18 тому назад. Работал на участке забойщиком Юрий Меданов. Небольшого роста, но крепкого телосложения парнишка. Работу производил без лишней суеты, сноровисто,

добротно, можно даже сказать, красиво.

Его лента, крепленная по забою, всегда отличалась устойчивостью, надежностью, одним словом, была образцово-показательной. Как шутили сами рабочие участка, на медановскую ленту можно заложить танк - выдержит. Даже уважаемый всеми забойщик с тридцатилетним стажем Геннадий Гильфанов высказал свое мнение: «С этого парня будет толк». Поэтому, когда проводили на заслуженный отдых бригадира забойщиков, вопрос, кого ставить на его место, отпал сам по себе: конечно, Юрия.

Но была у бригадира одна «слабость»: не любил он крепить забой тонким лесом, всегда выбирал самый, что ни на есть толстенный, который еще называют неподъемный. Поэтому, получая наряд, напарники Юрия всегда с иронией говорили:

- Ну, сегодня все дубы-стойки наши!

На что «бугор» отвечал:

- Нет в шахте неподъемного леса, раз он сюда попал, то, значит, кто-то уже с ним работал, а мы чем хуже? Да и крепление забоя будет надежнее.

В то время авторитет бригадира был огромен, его слово было законом для всех, и если что-то не ладилось на смене, доставалось от бригадира всем, начиная от машиниста подземных установок и кончая горным мастером. Как-то раз под гнев бригадира попали лесодоставщики участка. На вопрос, почему дают в забой тонкий лес, те ответили:

-Какой привезли на пласт, такой и спускаем.

Бригадир сказал:

- Чтобы к концу смены в забое был толстый лес, вы мне хоть переверните весь участковый лесной склад.

Отработав смену, Юра с напарником подошли к лесоспускному скату, где на приемной площадке борта лавы стоял скип, в котором торчала громаднейшая лесина-стойка, которую вытащить не было никаких сил. А выдать топоры, самоспасатели, прибор замера газа метана, фуфайки на вентиляционный штрек - нужен скип. Вот и пришлось рубить эту «дуру-стойку» пополам, прямо в скипе. Много было высказано нелестных слов в адрес лесодоставщиков. Выехав на-гора, закурив и успокоившись, бригадир задал вопрос:

- Где вы нашли такую «легкую» стойку и как вы ее притащили и поставили в скип?

На что ребята ответили:

- Нашли на лесном складе, как ты советовал, а тащили и ставили в скип ее всем звеном, шесть человек. Правда, злости ни у кого и ни на кого уже не было, от души посмеиваясь и докурив сигареты, пошли мыться.

Работая бригадиром забойщиков, Юрий Владимирович Меданов без отрыва от производства закончил горный техникум, и когда встал вопрос о смене руководства участка, коллектив поддержал кандидатуру Меданова на должность начальника очистного участка. В этой должности он и работает по настоящее время. При посещении забоя всегда первым делом смотрит на крепление, если заметит тонкую стойку, обязательно вычислит того, кто ее поставил, и сделает внушение на наряде:

- Хороший мужик в деревне такой палкой скот в загон загоняет. Не позорься - замени.

Как и у каждого нормального человека, у Ю.В. Меданова были взлеты и падения, но всегда из трудных положений он выходил с достоинством, проявляя свой чисто мужской характер. В настоящее время Юрий Владимирович является кавалером знака «Шахтерская слава» трех степеней, почетным шахтером России. Иногда кто-либо из ребят напомнит начальнику о той злополучной стойке в скипе, а он с улыбкой отвечает:

- Что было, парни, то было.

КОРОТКИЙ ПУТЬ – НЕ ВСЕГДА ЛУЧШИЙ

Нина Орлова

Вся моя трудовая деятельность связана с родной шахтой «Коксовая», где трудилась целых 37 лет. Работала в углехимической лаборатории. Работа поверхностная. Но если скрупулезно посчитать, то из моего 37-летнего трудового стажа почти три года отработала непосредственно в самой шахте.

Посудите сами: каждую неделю в годы войны в выходной день спускались в шахту помогать шахтерам давать повышенную добычу угля. Кроме этого, поочередно, по установленному графику, по месяцу-полтора работали на очистном участке откатчицами или лопатчицами.

В параллельных штреках под щитами перекидывали уголь в углеспускные печи. Так что не понаслышке знаю, что такое щит или лава.

Во время войны гибло много шахтеров. Не зря работу в шахте тогда считала вторым фронтом. На технику безопасности внимания должного не обращали. Очень стране уголь нужен был, так что война все списывала...

Но часто несчастный случай происходит на ровном месте. По простой причине - неосторожное собственное поведение. Много ума не надо, чтобы большинства трагедий избежать, если элементарно быть аккуратнее при спуске по ходовому отделению, при погрузке угля возле печи... Да что там говорить, я-то сама в шахту впервые спустилась, когда исполнилось только 19 лет, еще плохо соображала, что к чему.

Дали мне как-то наряд - набрать пробы угля на дальнем участке. Спустилась с гор, а от ствола порожний состав отправляется, как раз в моем направлении.

Состав мимо меня движется, еще скорость не набрал. Вот я и прицепилась. Стою на заднем буфере, руками в борт вагонетки вцепилась. Еду, все легче, чем пешком передвигаться. В задней вагонетке ребята-шахтеры сидят. Обрадовались: как же, девушка вместе с ними едет! Приглашают в вагон:

- Прыгай сюда, к нам. Мы тебя не обидим.

«Еще чего», - думаю про себя и головой мотаю отрицательно.

А в шахте горное давление жмет на крепление. И огнивы, где высоко, как положено, а в отдельных местах совсем низко. Не успела я ничего понять, как одной такой просевшей огнивой с головы каску сорвало. Так недолго и головы лишиться.

Перепугалась, естественно. Тут уж про стеснительность позабыла и быстро в вагон забралась.

На участке, поднявшись на промштрек, набрала из пласта пробу угля, чтобы потом в лаборатории- сделать анализ. И решила спуститься по лаве, чтобы сократить путь.

На борту лавы плаха поперек поставлена, словно загораживает дорогу. Перебралась я через плаху и стала спускаться по лаве. Метра четыре оставалось, как стойки кончились - внизу, оказывается, их давлением выдавило. Мне бы по распорам назад, вверх вылезти. А я упорствую, вниз скатилась по почве. Огляделась, а выхода-то на параллельку нет! Все завалено углем, только небольшая щель у самых огнив параллельки виднеется, по которой воздух протягивает.

Лавы оцетинилась грозно, снизу крепление все выдавлено, так и кажется - вот-вот рухнет порода.

Запаниковала, начала уголь руками разгребать. Да где там, быстро выдохлась. И в отчаянии заплакала.

И надо же, на мое счастье в этот момент на параллельный штрек поднялся горный мастер. И случайно заметил проблеск света от моего фонаря.

-Это кого там нелегкая носит? - крикнул он, подойдя к самому завалу.

Это я, браковщик, - отвечаю.

-Какой еще браковщик? – возмутился мастер. - Мало мне без вас в шахте забот. Подожди теперь, пока я лопату найду-

Целую вечность, кажется, ждала, когда вернется. А потом он почти час мне выход раскапывал. Но все-таки вызволил!

ПЛЯСКА НА БОРТУ ЛАВЫ

С.Резников

Вспоминаю, лет двадцать тому назад, работал я в паре с бригадиром забойщиков Владимиром Семченко. Спустились утром в шахту. Прибыли на пласт Угловой. Здесь наша бригада начала завивку для очередной лавы. Высота два с половиной метра, кровля над головой крепчайшая, словно наждак.

Приступили к креплению, чтобы подготовить забой к взрывным работам. С борта завивки было закреплено уже три пары стоек. Спрыгнул я в лаву, замеряю своими смерками* высоту для очередной стойки, кричу бригадиру:

-Два деления с четвертью!

Бригадир быстро приготовил стойку, подаёт. Но что за чёрт? Не подходит по высоте. Длиннее на целых полтора пальца! А корячится в лаве с массивной лесиной, когда сам стоишь в неустойчивом положении на плахе, совсем бы нежелательно.

Досадую, однако сдерживаюсь и свожу на шутку:

-Ты что же это, бригадир? Скоро на пенсию, а стойку до сих пор не научился путём заделывать?

Бригадир чувствует себя виноватым и молчит, подает мне топор, чтобы вырубить в однорезке – лежане прямо поглубже.

Вторую стойку он готовит более основательно. Но и на этот раз стойка получается длиннее. Я, естественно, начинаю психовать: это сколько же

времени потребуется на крепление забоя, если с каждой стойкой будем жонглировать по десять минут!

Меняемся местами. Но нас прямо-таки преследует какая-то чертовщина – стойки и из-под моего топора оказываются намного длиннее!

-Ты что же это, Серёга, мне в отместку, что ли, даёшь такую стойку?!

И только тогда стало до нашего соображения доходить: что-то здесь не так. Притихли на минуту, прислушались. С тихим шелестом от груди забоя отслаивается уголь и, словно вода, течет вниз по разрезной печи

...

-Смотри-ка, под нами уже всю печь без отпалки углём засыпало! – говорит бригадир. – Горное давление усилилось и сжимает пласт, да с такой скоростью, что мы не успеваем смерками замерять!

Я мгновенно сориентировался, схватил фуфайку, самоспасатель.:

-Володя, кровля пошла на посадку!

Ведь наш участок отработал пласт на расстоянии почти двухсот метров, и практически до сих пор ни одной толковой посадки не удалось сделать. Хватай вещи, и пойдём подальше отсюда.

-Да что ты паникуешь, Серега? Сейчас поиграет кровля и успокоится...

Однако пошёл вслед за мной по штреку.

У ската присели в ожидании дальнейших событий. И в свете своих головных светильников увидели редчайшую картину (доводилось ли ещё кому видеть такое!): стойки по штреку вплоть до борта лавы начали в прямом смысле слова пляску, то поднимаясь, то опускаясь. И вдруг с оглушительным шумом в отработанном пространстве произошло обрушение кровли. Какая масса обрушилась, тысячи или сотни тысяч тонн, никто не скажет. Воздушная струя переменяла направление и с огромной силой потянула в сторону завала. Ухватились за стойки, чтобы нас не утащило струёй воздуха.

-Эх, фуфайку жалко, - сказал бригадир.

-Будешь знать, как не слушаться старших!-ответил ему.

-Старшим, всё-таки, остаюсь пока я, не уступает он в ответ: и по возрасту и как бригадир... Но вот что ты сегодня был на высоте, признаю. И должен... обязан сказать тебе спасибо за то, что ещё проживем...

И мне показалось, что у моего напарника дрогнул голос.

*Смерки – это две пары реек, на которых через равные интервалы нанесены зарубины. Один из забойщиков, как я в этот раз, производит замер очередной стойки для крепления лавы и сообщает его своему напарнику. А задача забойщика, находящегося на борту лавы обеспечить его стойкой такого размера и подать ее вниз на канатике.

ЧУЖОЙ КАРАВАЙ

С.Резников

(или бег с препятствиями)

Этот случай произошёл примерно в 1977 году. На нашем участке отработывали два угольных пласта. На одном – щитовым перекрытием, на другом – лавами.

Как-то пришли забойщики в лаву, она уже была закреплена, оставалось только бурить. Настроили сверло, приготовили трамбовку для зарядки шпуров. А бур никак найти не могут. Один из забойщиков предложил молодому откатчику:

-Сходи на щит, только побыстрее, пока их там нет, они внизу конвейер делают. Увидишь бур на метр двадцать, хватай его и быстрее сюда. Не дай Бог, тебя увидят – отлупят, это точно.

Парень полез под щит, нашёл бур и помчался назад. Вылез на вентиляционный штрек, и снова к лаве, полусогнувшись, бегом. Немножко подустал и решил отдохнуть. Выпрямившись. Но, выпрямился не совсем удачно, лбом ударился о фланец трубы. Удар был достаточно сильным, что на мгновение вышибло сознание. Парень упал и выронил бур. А рядом находилась скважина, куда и полетел бур.

Очнувшись от удара, откатчик осмотрелся, но бур не нашёл. «Да, - подумал он, - на чужой каравай рот не разевай!»

Пришёл в лаву. У него спрашивают:

-Ну, и где бур?

-Да я его нашёл, уже сюда бежал, - говорит откатчик. –Но меня догнали, по голове затяжкой ударили и бур забрали.

В конце смены лавщики встретились с забойщиками из-под щита.

-Мужики, - говорят они щитовикам, - ну ладно, отобрали бур, но зачем же парня по голове бить затяжкой? Ведь могли сделать дураком.

Те недоумённо переглянулись и отвечают:

-Мы никого не били, даже не видели, и бура у нас нет.

Когда все спустились на конвейерный штрек, прошли по нему немного и видят: вот он где, голубчик, лежит в аккурат под самой скважиной.

В.Давыдов

СО СВЕРЛОМ ПО СКАТУ

Анатолий Андреевич Козлов, потомственный шахтер, на шахте «Коксовая» отработал, почитай, без малого сорок лет. Есть что вспомнить. Взять хотя бы самые первые дни его работы на шахте.

Даже по тем временам, наверное, это было нарушение. В 1943 году 14-летним парнишку приняли работать в шахте слесарем. Очевидно, помогла его рослость да то, что был не по годам физически развит.

Вот такая история приключилась с Козловым.

После нескольких дней знакомства с шахтой и участком механик Козин даёт мне наряд – задание:

-Под шурфом дождёшься, пока с гор спустят в шахту бадьёй сверло. Возьмёшь его и по вентиляционному штреку принесёшь на участок, а там спустишься с ним по скату. Понятно? Действуй, забойщики ждут инструмент, им бурить нечем!

Вроде бы всё понятно. Благополучно забрал сверло под сверлом и без промедления прибыл на пласт. Смотрю, вниз почти вертикально идет скат. Полез по нему вниз. А скат оказался настолько старым – через пару метров трапов совершенно нет, а ниже ещё и крепление нарушено, держаться не за что.

А сверло тянет вниз. Оно потяжелее, пожалуй, по своему весу, было теперешних. Делать нечего, вынужден был избавиться от груза, иначе сам бы сорвался. Улетело сверло вниз с грохотом. А я кое-как спустился, цепляясь за что только возможно.

Внизу подобрал сверло, а сам волнуюсь невероятно: не пострадал ли инструмент при падении. Подключили забойщики сверло к сети – работает!

С чувством удовлетворения рассказал механику о выполнении поставленной им задачи и о своих приключениях. Он огорчился:

-Ты же не потому скату спустился! Этот нерабочий и для передвижения не используется. Как же это я упустил и не предупредил тебя? Там же по штреку через пару сотен метров другой скат! Вот по нему и надо было спуститься.

И перевёл меня работать на лебёдку шурфа, спускать в шахту крепёжный лес.

Кстати, в трудовой книжке тот период моей трудовой деятельности не был зафиксирован. А когда подошло время оформления пенсии, пришёл в отдел кадров за подтверждением. Мне говорят:

-Не может быть, чтобы в этом возрасте приняли на подземную работу!

Подняли архив и убедились, что мой подземный стаж начинается с четырнадцатилетнего возраста. Так требовала военная обстановка.

СТРИЖИ

В.Давыдов

После окончания горнопромышленного училища меня вместе с двумя товарищами направили работать на шахту «Коксовая» им. Сталина. Здесь мы, новоиспеченные специалисты по ремонту промышленного оборудования, стали слесарями – чего бы вы думали? Самых обыкновенных вагонеток! Металлическая емкость на четырех колесах. Никакой сложности – не сравнить с токарным или сверлильным станком, которые ремонтировали во время прохождения производственной практики на «Электромашине». Некоторое время роптали, пошли в горком комсомола. Нас выслушали и направили в комитет комсомола шахты с гневным распоряжением: «Разобраться!»

Незамедлительно были сделаны выводы, в наших учетных карточках, в отделе кадров, появилась запись о переводе из кузницы в мехцех. Об

этом отработали в горком, а нам почему-то не сообщили. Так и продолжали работать в кузнице транспорта. Где вскорости даже понравилось, потому что коллектив здесь был исключительно благожелательный к нам, шестнадцатилетним подростками.

Мы быстро переняли основы кузнечного дела, электросварки, что в дальнейшей жизни очень пригодилось.

До сих пор с почтением вспоминаю кузнеца Якова Ивановича Ремпеля. Как ловко он управлялся с поковкой, раскаленным добела куском железа, который в его руках претерпевал чудесное превращение.

Мы стремились поработать с ним в паре, исполняя роль молотобойцев. В руках Якова Ивановича молоток, словно дирижерская палочка, танцует по поковке, указывая место, куда следует нанести очередной удар кувалдой. В памяти и сейчас звучит тот кузнечный перезвон молотка и двух кувалд.

-Тум-та-та-тум... – солидно так выговаривают кувалды. А молоток в руках кузнеца озорно и шустро танцует - то по наковальне, то по раскаленной поковке, показывая, куда следует нанести очередной удар:

-Тили-тим, тили-тили-тим!

Молотобойцем стать не так-то просто. Большая тренировка требуется, особенно когда одновременно работает два-три молотобойца. Здесь чувство ритма необходимо соблюдать: пока кувалда одного опускается на поковку, другая кувалда находится высоко над головой, ровно на полпути к завершению удара

Перевернув подъемным краном очередную вагонетку для ремонта, сняли колесо с рассыпавшимися подшипниками. Гера говорит:

-А что, парни, мы уже семь вагонеток отремонтировали –рекорд! Пора и перекурить! Пойдемте на свежий воздух!

Напротив кузницы тянутся высоченные галереи обогатительной фабрики на металлических эстакадах. Нависли над железнодорожными путями. Железнодорожные вагоны, проходя под ними, загружаются углем.

Кузница все на том же месте. И кузнечный горн тот же самый, на котором довелось и мне когда-то поработать. Сейчас здесь колдует над раскаленным железом кузнец Виталий Юровский, у которого заказов на исполнение срочных кузнечных работ по-прежнему много.

Высоко-высоко, в безоблачно-синем небе, мечутся стрижи, пронзая стрелой воздушное пространство.

-А вы знаете, – говорит наш старший товарищ Павел Бабичев, - что здесь, под самой крышей галереи находятся гнезда стрижей? Хотите посмотреть?

По железным распорам, без особого труда, поднялись. Действительно, под самой крышей из шифера слеплено множество стрижиных гнезд. Рядом со мной, со всего маху, ноготками своих лапок ловко цепляется к гнезду стриж и удивленно поглядывает на нас бусинами глаз: «Это еще что за существа!». Здесь, на высоте, где их практически никто не тревожит, мы для них, очевидно, представляемся чем-то нереальным.

-Возьмем с собой? – спрашиваю. –Покажем в кузнице!

–Может, не стоит тревожить?

– Да что с ним случится?! Мы же сразу отпустим!

Стриж даже не делает попытки отодвинуться от моей руки, только непонимающе крутит головкой во все стороны. В кузнице отпускаем птицу на пол и ожидаем, что она сразу полетит. Но стриж распростер крылья и беспомощно, отчаянно бьет ими о землю. Размах крыльев очень велик, раза в два больше длины его туловища. И получается, что на своих коротеньких лапках он практически лежит на полу, безуспешно пытаюсь создать под крыльями воздушную подушку, необходимую для взлета.

Яков Ремпель укоризненно смотрит на нас:

–И что же это вы над божьей тварью изгаляетесь! Стриж создан для полета и никогда в своей жизни не садится на землю!

Он подкидывает стрижа и тот, словно молния, мелькнул в проеме дверей кузницы, взмыл вверх и тут же затерялся высоко в небе. В стае своих сородичей.

Возвращаемся к опрокинутой вагонетке и прикидываем, как снять с оси обойму подшипника, врезающуюся в шейку вала. Можно разрезать с помощью сварочного аппарата, но тогда испортим поверхность вала. Решили расколоть, как зачастую делали и раньше, с помощью кувалды.

Наставляю на обойму кузнечное зубило, насаженное на длинную деревянную ручку. Острие зубила специально для разбивания обойм затуплено. Гера бьет по зубилу кувалдой. Бьет мастерски, как опытный молотобоец, со всего размаха, с оттяжкой. Удар за ударом. Иногда зубило после удара соскальзывает с обоймы, и я тут же возвращаю его на место.

И вдруг происходит непонятное. Такое ощущение, что при ударе кувалды кузнечное зубило своей рукояткой ударило меня в живот. Почувствовал себя нехорошо, охватила слабость.

-Что с тобой? - встревожился Гера.

Приподнимаю рубаху, вижу совсем небольшую ранку, и каплю крови:

– Кажется, ранило меня...

К нам спешит Яков Иванович:

– Ну, что случилось, стрижата?

Заботливо подхватывает меня под руки, уводит на скамейку. Принес аптечку, потер виски нашатырем.

Оказывается, обойма подшипника от мощного удара раскололась, один осколочек, словно пуля, пробил брюшную стенку. А какие повреждения натворил внутри, выяснится только в больнице...Через полтора месяца вновь появился в кузнице. Какое-то время работать кувалдой опасаясь. Яков Иванович ободряюще говорит: -Вы, ребята, словно стрижи несмышлёные, много еще встретите неожиданного в жизни. Учитесь предвидеть неприятности и стойко переносить всё то, что выпадет на вашу долю.

КАПУСТНЫЙ БУНТ

*Николай Лобов,
почетный шахтер, ветеран шахты «Коксовая»,
кавалер ордена Трудового Красного Знамени, Знака
Почета и знака всех трех степеней «Шахтерская
Слава», ордена Отечественной войны.*

В 1947 году, когда вместе с сослуживцами ожидал демобилизации, в срочном порядке погрузили нас в вагоны и повезли в неизвестном для нас направлении. Думали, куда-то на новую дислокацию, может на границу. Однако вскоре пояснили:

-Направили вас, ребята, на самый ответственный пост, на угольные шахты Сибири!

О Сибири я, уроженец Саратовской области, до того и представления не имел.

Вот таким образом и попал в Прокопьевск. Здесь встретили нас представители разных шахт, которые набирали себе рабочих.

Вместе со мной, кстати, приехал Николай Григорьевич Кочетков и Василий Николаевич Рожков, которые впоследствии прославились своими трудовыми делами, и стали Героями Социалистического труда.

Меня с группой ребят на шахту «Коксовая» судьба определила, стали мы горняцкой профессии обучаться в ФЗО №31. Кормили нас в столовой, что рядом с шахтой располагалась.

Три месяца теоретических занятий и затем началась практика. Здесь прикрепили каждого из нас к опытным рабочим, и через некоторое время стали мы неплохими помощниками, потому что шахтеры не жаловались на нашу работу. Однако в брезентовом костюме, по сути дела, на голом теле, работать в шахте было очень даже неуютно и холодно.

И в столовой нас кормили неважно, прямо надо сказать. И вот в очередной раз, накормили нас одной капустой. Щи пустые, а на второе квашеная капуста. И вдобавок без хлеба.

Вся наша группа, двенадцать человек, решили, что с такой едой работать в шахту не пойдём! Мы же, по сути дела, мужики. Каждому по 20-22 года уже. И вернулись в общежитие.

Вскоре приходит наш мастер производственного обучения:

-В чем дело? Почему в шахту не пошли?

-Какая шахта, мастер! Это после капусты-то! Мы же голодные, нам мясо есть надо!

Что с нами мастер может поделаться: Тем более понимает, что не порядок голодному работать.

- Ну, хорошо, во вторую смену пойдёте, после обеда. Я договорюсь с начальниками участков, на которых вы работаете.

Однако в обед снова предложили нам то же самое меню: капуста на первое и второе и чай.

Как не уговаривал мастер, мы и на этот раз вернулись в общежитие.

-В ночную смену пойдём... если накормят!

Однако и сами беспокоимся, как бы не переборщить. Потому что если в течение суток не выйдешь на работу, то будет прогул, а за это могут и под суд определить. К прогульщикам, хотя время было уже не военное, по-прежнему относились очень строго.

Дождались ужина, все тоже! Мы и есть не стали. Но на шахту пришли, и прямо в кабинет начальника шахты. Начальником шахты был в то время Александр Федорович Кучин. Выслушал он нас внимательно и берет телефон:

-Соедините меня с директором столовой!

Потом, видать соединили, уже голосом, не терпящим возражений:

-Сейчас к вам придут ребята. Накормите их! Никакой капусты! Капусту в сторону! Это шахтеры, а шахтеров надо мясом кормить!

Накормили нас, наконец-то, как следует, и, кстати, в дальнейшем питались мы вполне сносно.

Утром, поднявшись на-гора после рабочей смены, пошли в мойку. А здесь для нас приготовлена спецовка: фуфайки, белье нательное... Оказывается, Александр Федорович вошел в наше положение: ведь мы здесь без семьи и найти белье для нас было проблемой.

-С таким начальником можно работать! - сказали мы.

НОВАТОР КИТАЯ С «КОКСОВОЙ»

Память о творческой командировке в Китай! До сих пор вспоминаю о той поездке, как о самом ярком событии в моей трудовой жизни.

Тогда, в 1956 году, китайцы пригласили специалистов всех отраслей нашей страны для обмена опытом работы. В составе делегации было 50 человек, в том числе двенадцать специалистов угольной промышленности. И я, Николай Лобов, прокопчанин, тоже удосужился

чести. Моей задачей было ознакомить китайских шахтеров с приемами работы в проходке.

Скрывать не стану, приятно было внимание китайцев к собственной персоне, словно к министру какому! Их учтивость в обращении, забота, внимание. К каждому из нас прикрепили переводчика, так что проблем с обращением не было. Со мной, в течение всех 45 дней пребывания в Китае, неотлучно находился мой переводчик, которого я сразу же с его согласия переименовал Петром. Взамен его замысловатого для русского уха длинного, непривычного имени.

Первой шахтой, в которую спустился, стала шахта Чжао-Г-Цзунь. Работаю одну смену, другую. По-нашему работаю, так, что рубашка мокрая. А за мной неотлучно наблюдают больше тридцати китайских проходчиков. Для них наша работа во многом стала откровением. Они-то в проходку идут по 6-8 человек, когда мы у себя, в таком же забое, вдвоем управляемся.

Я и не ожидал, что моей работой так будут восхищаться. Хвалят, по плечам одобрительно хлопают.

Все бы ничего, но когда приходится подгонять стойку по размеру, никак не могу их инструментом пользоваться. У них вместо топора что-то вроде узбекского кетменя. Пока оттюкаешь стойку, уйма времени напрасно уходит.

Досадую, говорю Петру:

-Это не работа! Таким топором разве много наработаешь?

Он сразу заинтересовался:

-Топор? Что такое? Давай рисуй, пожалуйста!

Нарисовал я эскиз топора, как мог. Объяснил на пальцах. Через пару недель перебрались в другую угольную провинцию. И здесь, перед спуском в шахту. Вручают мне топор, изготовленный по моему эскизу. Постарались китайские кузнецы на совесть, вполне сносный получился топор. И пошла работа без заминок. Китайские проходчики цокают языком, попробовав топор в деле, по-своему лопочут, но и без переводчика понятно:

-Очень хорошо! Хороший инструмент!

Закончился срок командировки, стали нас уговаривать:

-Оставайтесь еще на месяц, другой! Очень многие шахты хотели бы вас в работе посмотреть!

А мы разве против, но нельзя же, строгий приказ – возвращаться в назначенный срок. Но вот о чем я сейчас задумываюсь: а почему у китайцев тогда топора не было? Они что же, до меня с ним не были знакомы? Получается, я внедрил у них топор?! И может быть, тот первый топор сейчас находится у них где-нибудь в музее?

АРТИСТЫ – «БУРЖУИНЫ»,

которым довелось поработать в крупнейшей шахте страны.

В.Давыдов

Эта история в поселке городского типа Прокопьевском приключилась в 1929 году. В ту пору эксплуатация угольного месторождения велась в многочисленных штольнях да небольших карьерах. И уже построены были первые шахты называвшихся согласно своему порядковому номеру: шахта №1, шахта №2 и №2бис, шахта №3 и №3бис, шахта №4, №5-6, №7-8...И строительство новых шахт шло полным ходом. Одна из них только что была начата на Марсовом поле – шахта «Коксовая-1».

Основные работы велись на поверхности: возводились подсобные здания под компрессорные установки, машинные отделения для будущих подъемных машин, механический цех, кузница.... Одним словом, предстояло произвести большой объём работ. Еще бы, строилась шахта с такой производительностью, что даже дух перехватывает, с проектной мощностью в три миллиона тонн угля в год!

(Справедливости ради отметим, что такой производительности шахте «Коксовая», с существовавшей технологией отработки крутопадающих пластов, достичь так и не удалось. Но и полтора, два с лишним миллиона тонн угля в год, производительность, с которой шахта работала на протяжении ряда лет, впечатляет).

...Шла стройка крупнейшей шахты в стране. На гигантской стройке трудились вчерашние крестьяне близ лежащих деревень, и завербованные со всех уголков страны, ссыльные люди. Устанавливались дружеские отношения, ходили запросто в гости друг к другу, а молодежь после трудового дня допоздна, порой до рассвета, теплыми летними ночами устраивала гуляния, пела песни и без устали танцевала под гармонь.

Однажды на стройку шахты прибыла концертная бригада из самой столицы! Впервые за все время существования поселения добралась и сюда культура. Для глухой провинции, которой все еще оставался рабочий поселок Прокопьевск, это стало чрезвычайным событием, праздником! Рабочие соорудили сцену-подиум для выступления артистов. Как говорится, прямо под открытым небом, в непосредственной близости от скипового ствола. Ствол к этому времени углубился на несколько десятков метров.

Естественно, никого прийти на концерт уговаривать не приходилось. Едва слух о предстоящем концерте прокатился, народ незамедлительно потянулся к Марсовому полю. Семьями, с друзьями. Шли со своими скамейками, табуретками. Рассаживались, кто, где хотел.

По единодушному утверждению старожилков нравы в те времена намного проще были, и люди на стройке чувствовали и вели себя одной большой семьей. Вот и в тот раз, в ожидании концерта, кто-то принес с собой похлебку, кто-то только что сваренную в котелке картошку, огурцы малосольные, чтобы на свежем воздухе (когда-то еще концерт начнется!) перекусить после рабочей смены.

Пока артисты готовятся к своему выступлению, публика лузгает семечки, делится житейскими новостями. Дети в ожидании необычного

представления никак не могут унять своего волнения и то в одном краю «зрительного зала», то в другом начинают хлопать в ладоши. Хлопки подхватывает остальная ребятня. Раз за разом прокатывается волна аплодисментов, поторапливающая артистов на встречу со зрителями.

Наконец-то занавес-простыню отводят в сторону и к зрителям выходят элегантный мужчина в сопровождении с не менее элегантной женщиной. Публика недоуменно затаила дыхание. Как?! Это что еще такое! Как можно, среди пролетариата, фуфаек и простой холщовой одежды, появится в черном фраке, ослепительно белой рубашке, да еще с вызывающе интеллигентной бабочкой? И артистка выглядит не менее вызывающе в своем ярко-розовом, облегающем стройную фигуру, платье, ниспадающем до самой земли. До сих пор в таком одеянии только заморских капиталистов на картинках доводилось видеть!

- Это кого же к нам прислали? - спросил один из рабочих. А весь зрительный зал словно ждал этого вопроса и дружно выдыхает:

-Братцы! Да это же самые что ни на есть настоящие буржуи! Не дадим контре одурачить себя их буржуйской пропагандой! Пали, кто, чем может!

И в несчастных, ошарашенных таким приемом артистов, летит вареная картошка, малосольные огурцы и помидоры. Однако кто-то в возбужденной толпе находится умнее:

-Вы чего же это делаете? Едой раскидываетесь! Зажрались, что ли? Имейте совесть, дайте артистам хотя бы слово сказать!

За все время суматохи артист хладнокровно стоит на сцене, очевидно, такой прием не впервые переживать. Когда публика немного успокоилась, произносит:

-И что за чепуху вы несете, товарищи? Нашли чем возмущаться! Мы же прибыли к вам сюда, выполняя решение партии и правительства и лично товарища Сталина, приобщить вас к культурной программе!

Да, мы артисты, но в остальном мы такие же нищие, если хотите знать, как и вы. Это же надо, за буржуев нас приняли! Из-за этих костюмов, что ли? Так это же наша артистическая форма. Кстати, на всю нашу труппу мы только и смогли приобрести всего лишь эти два костюма, которые вы своими продуктами только что так изрядно подпортили! А что мы не буржуи какие-то, могу лично доказать даже в вашем забое, что могу не хуже любого из вас работать! И нам даже очень интересно было бы посмотреть на вашу работу под землей!

Упоминание имени вождя сразу охладило пыл. Поверив, что артисты и в самом деле никакие не буржуи, народ вновь расселся в ожидании концерта.

Какое-то время артист глядит на пристыженный зал укоризненно. Но вот он переносится куда то, в другое измерение. Словно бы он и здесь, и словно бы отсутствует для него всякая действительность. Смотрит поверх голов зрителей куда-то вдаль, за горизонт тырганских сопок, словно сливаясь с безграничным простором сибирской земли. И запел!

-Вижу чудное приволье!
 Вижу реки и поля!
 Это чудная сторонка,
 Это Родина моя!

Вокруг установилась такая тишина, что, казалось, даже птицы перестали щебетать, чтобы не мешать этому пению!

Закончилась первая песня, зрители не хлопают. Они все зачарованы. Это же так неестественно, чтобы человеческий голос мог дойти до самого сокровенного в душе каждого, вызвать такие неожиданные, глубинные в подсознании эмоции! И каждый из них в данный момент почувствовал такой прилив нежности друг к другу, к этой земле, и благодарности к этим незнакомым людям-артистам за их чудесный дар.

А артист, казалось, не обращает внимания, что не аплодируют. Очевидно, чувствует состояние публики, и вновь запел:

-Орленок, Орленок!
 Взлети выше солнца!
 И в степи привольно взгляни!

До сей поры, в этих краях не доводилось слышать такого чудного голоса. Но это же, по сути дела, был самый первый концерт самых настоящих артистов в Прокопьевске! (Сейчас, конечно же, концертом самого высокого уровня никого не удивишь. Сейчас мы культурные, не то, что в те давние времена...)

После исполнения второй песни зрители очнулись и долго аплодируют. А «Дубинушку» артист «вынужден» повторить на «бис». Теперь каждый номер артистической бригады завершается возгласами восхищения и овациями. Несколько человек, что посмелее, подходят к артистам извиниться за свою недружелюбную встречу

С гордостью показывают рабочие строительные объекты, рассказывают о будущей шахте. Думали удивить артистов условиями своего труда, а они даже заинтересовались, увлеченно работали отбойным молотком в скиповом стволе. Единственно, что сетовали на головные карбидные светильники, недостаточно освещавшие рабочее место. Больше приходится во время работы полагаться на интуицию. Да еще во время спуска и подъема в бадье испуганно хватались за края бадьи. Непривычно, все же, вот так сразу, без подготовки прокатиться в таком необычном транспорте!

Поднялись из ствола наверх артисты, конечно же, перепачканные пылью. Но зато в прекрасном настроении. И только жаль, что память не сохранила имен тех артистов. Зато прекрасное ощущение от соприкосновения с высоким искусством пронесли люди через всю свою жизнь.

О «КИНОЛЕТОПИСИ КУЗБАССА»

В.Давыдов.

Настаёт момент, когда остро осознаёшь: как стремительно мчится время. А память хранит, как в калейдоскопе, картины тех событий, участником и свидетелем которых довелось быть. Жалко, что человеческая память «прокручивает кино» для каждого человека индивидуально: что помнит, то и видит. А другому показать это «кино» невозможно. Очевидно, что именно поэтому-то и возник кинематограф, исходя из потребности: запечатлеть мгновения жизни.

На днях мне в руки случайно, (а может это закономернo?) попала книга Юрия Светлакова «Кинолетопись Кузбасса». Прочитал её не отрываясь. Будучи сам далёким от кинорежиссуры, ни разу не державшим в руках даже видеокамеры, тем не менее, считаю, что повествование кинооператора Юрия Светлакова интересно каждому, кто любит свой край, интересуется историей Кузбасса.

«Кинолетопись Кузбасса» стала для меня «светом в туннеле». К примеру, в конце тридцатых, начале сороковых в Прокопьевске развернулось строительство современных шахт, пришедших на смену штолен, таких как шахта №5-6, им. Ворошилова; шахта №3-Збис, имени Эйхе; и шахта «Коксовая», имени Сталина. Стройка новых шахт стала частью единого общесоюзного проекта, воплощённого в жизнь: строительство Урало-Кузнецкого комбината. Маловероятно, чтобы кинорежиссёры обошли вниманием достижения, энтузиазм трудящихся на строительстве шахт-гигантов. Или, беседуя с родственниками первого стахановца Кузбасса Ивана Акимовича Борисова, с его современниками, не раз доводилось слышать о том, что о стахановцах Прокопьевска было снято кино, которое ходили семьями смотреть в кинотеатрах. И я в подсознании мечтал: вот бы сейчас посмотреть эти исторические кадры! Да как их найти? Это же не книга, которую можно разыскать с помощью библиотечной сети.

И вот вам, пожалуйста! В книге Юрия Светлакова целая глава посвящена рассказу о кинохронике, проводившейся на стройке шахты Коксовая имени Сталина. На одном из юбилеев шахты этот фильм даже демонстрировался перед трудящимися шахты. Значит, возможно посмотреть эти старинные кадры и новому поколению, которое трудится в настоящее время на Коксовой.

Помимо живого, увлекательного рассказа о героях кинохроники, автор приводит в книге целый ряд фото-кадров, который даёт представление о том времени, о людях, стоявших у истоков истории шахты, развития угольной промышленности Прокопьевска. К примеру, благодаря кинохронике мы видим, словно рядом, первого главного инженера «Коксовой», специалиста из Германии, Карл Карловича Цильфельда; молодого и энергичного начальника участка, ставшего впоследствии директором этой же шахты, а затем выросшего до замминистра угольной промышленности СССР, Антона Савича Кузьмича, и других.

К сожалению, тираж книги «Конолетопись Кузбасса» всего одна тысяча, и наверняка найти её будет нелегко. Поэтому хотелось предложить вниманию читателей эту главу: «Кинодокументы из истории «Коксовой» (в сокращении).

КИНОДОКУМЕНТЫ ИЗ ИСТОРИИ ШАХТЫ «КОКСОВАЯ» .

Ю.Светлаков.

**Какая дьявольская сила
в девизе пламенном «Даёшь!».**

Ф. Богородский

Осенью 1929 года в Прокопьевске на берегу старого русла реки Абы был заложен ствол одной из крупнейших по тому времени шахты «Коксовая».

Кинохроника не снимала это событие. Лишь спустя два года были сняты первые кадры строительства шахты, которые и положили начало кинолетописи важнейшей стройки первой пятилетки. За семидесятилетнюю историю шахты кинооператоры время от времени выдавали «на-гора» сотни метров бесценных кинодокументов. О них и пойдёт рассказ.

В фильмотеке Кемеровской студии телевидения с давних пор хранится копия киножурнала «Сибирь на экране» № 12 за 1931 год. Вроде бы всё ясно.

Ответы на вопросы: где? кто? что? - дают титры:

«Ударная бригада тов. Чекунова имени «Второго года соцсоревнования» приняла встречный план. Вместо 50 метров проходки по породе в месяц - 100 метров».

В киножурнале показаны бригадир Чекунов, проходчики Быков и Гольшев за пневматическим бурением, инженер-комсомолец Кузьмич, главный инженер комплекса - немецкий специалист Цифельд и заведующий горными работами Губенко.

Вроде бы всё ясно. А вот кто снимал эту хронику?

Титров нет.

Спросить участников съёмки? Но есть ли надежды встретить героев киножурнала спустя полвека? Сомнительно.

И всё же я повез киножурнал в Прокопьевск на юбилейный вечер шахты «Коксовая». *(Очевидно речь идет о 1985 годе. Прим. Составителя)*

После всех речей - показали хронику.

Зажёгся свет. Никто не встал и не сказал, что знает, кто снимал эту хронику.

Отчаявшись, обратился к сидящему рядом пожилому человеку:

- Скажите, вы случайно не знаете, кто мог бы помнить киносъёмки на шахте?

- Как не знать, знаю. Я вот только сейчас увидел себя на экране.

- Что вы говорите! А кто вы?

- Кусенко Николай Григорьевич.

Вот это неожиданность! Заведующий горными работами Кусенко сидит рядом со мной.

- Николай Григорьевич, раз вы участвовали в одной из первых киносъёмок на шахте «Коксовая», вспомните, как они проходили?

- Как проходили?.. Оборудования никакого не было. Чтобы снять в шахте со светом, отключили все моторы.

- Вы сами помогли съёмочной группе?

- Да. Из обрывков проводов собирали проводку, потом это связывалось и горело... Со слезами, с грехом пополам шла съёмка.

- Непонятно. Шахта категорийная, снимать же нельзя было.

- Когда ствол проходили, не было категорий.

- А вас как снимали - незаметно или указывали, где встать, что делать?

- Ставили и заставляли смеяться. Мы смеялись. Я, кажется, не смеялся, но Цифельд смеялся.

- Кто такой Цифельд?

- Карл Карлович Цифельд был представителем фирмы «Тиссеншафт», который привёз рабочих из Германии. В 1931 году приезжал и сам Тиссен. Мы собрали всякие тряпки и стелили дорожки, чтобы он не замарал ножки, когда шёл в раскомандировку.

- А это кто-нибудь снимал?

- Фотограф был.

- Вы видели: в одном из кадров снят Кузьмич?

- Антон Саввич. Способный инженер. Приехал из Московской горной академии.

- А вы сами?

- Я закончил Томский университет.

- А не помните, кто снимал вас в шахте?

- Ромм какой-то.

Итак, Николай Григорьевич Кусенко нетвердо, но сказал, что их снимал Ромм. Но какой Ромм? Михаил Ромм? Или Абрам Роом? Оба - корифеи советского кинематографа. Фамилии созвучны. Точно знаю, что Михаил Ромм в 30-е годы не снимал документальные фильмы. Вероятнее всего, снимал Абрам Роом.

В Прокопьевском краеведческом музее экспонируется большая фотография. Под фотографией надпись: «Лучшая ударная бригада на руднике в 1934 - 1936 гг. Бригадир Нефёдов Л.Р. Шахта 5-6». Но не бригада привлекла моё внимание, а киносъёмочный аппарат, осветительные приборы и люди явно не горняцкой профессии. Кто они? Как попала эта фотография в музей? Михаил Георгиевич Елькин, в то время директор музея, сказал, что эту фотографию нашёл среди профсоюзных ведомостей в архиве отца, который был профоргом в бригаде Нефёдова.

- А кто эти люди с кинокамерой?

- Как мне рассказывал отец, приезжала из Москвы специальная киносъёмочная группа, которая делала фильмы об этой бригаде. Точно

отец не помнит, кто это был, но он называл фамилию Роома, который подарил ему на память маленькую фотографию.

Заметим, что люди, не знающие друг друга, говорят, что их снимал Роом.

Откроем 2-й том «Кинословаря». Читаем: «Роом Абрам Матвеевич. Есть и фотография. Похож на человека с музейной фотографии? Похож. Как будто бы похож. Читаем: «В 1930 г. Роом поставил экспериментальный первый советский звуковой фильм «План великих работ», который был широко показан по всей стране».

Теперь остаётся найти этот фильм, название которого известно - «План великих работ», посмотреть, есть ли там кадры бригады Нефёдова, и можно считать поиск законченным.

Но вот тут-то постигла неудача.

В фильмографии напротив названия «План великих работ» надпись: «Фильм не сохранился».

Проверил. В Красногорском архиве фильма нет. В Госфильмофонде - нет! В архиве ВГИКа - нет! В архиве Центральной студии документальных фильмов - фильма тоже нет! Нет и монтажных листов, по которым можно узнать, были ли в фильме "План великих работ" кадры о Прокопьевске. Где искать?

В библиотеке и архиве ВГИКа нашел кое-какие документы, связанные со съёмками первого советского звукового документального фильма «План великих работ».

Журнал «Пролетарское кино» №5-6 за 1931 год в информации «Звуковая продукция советской кинопромышленности» сообщает: «Первая полнометражная звуковая фильма «Пятилетка» была сделана режиссёром А. Роом на Ленинградской фабрике «Союзкино». Фильм содержит пять частей (2000 метров). Стоимость -40-45 тысяч рублей». Сообщаются и другие сведения о фильме «План великих работ» («Пятилетка»): «Звуковой политпросветфильм, шесть частей, 1800 метров, режиссёр А. Роом, операторы Зандберг и Солодовников».

В журнале «Пролетарское кино» № 10-11 за 1931 год в статье «Первый рейд звуковой передвижки» читаем, что фильм был показан по Сибири, в частности в Кузбассе на Кузнецкстрое, Прокопьевском и Анжеро-Судженском рудниках. Сеансы проводились при аншлагах. Встречалась мне статья Роома «Как мы делали первую звуковую фильму», но в ней нет упоминания о съёмках в Кузбассе. В ней есть любопытные сведения о том, что Вертов не советовал Роому снимать звуковое кино: «Я попробовал. Ерунда получается».

Вышла книжка Н. Гращенковой «Абрам Роом», но в ней о «Плане великих работ» всего две-три строчки и никакой информации о том, где проходили съёмки. А, может быть, на этой фотографии и не Роом, а кто-то другой? Я ведь только предположил, что это Роом. Так что страница кинолетописи Прокопьевска, связанная с фотографией из музея, остается открытой.

Поиски не всегда заканчиваются удачей.

Другого участника киносъёмок 1931 года впервые я увидел на экране монтажного стола в Центральном государственном архиве кинофотодокументов СССР, когда просматривал кинохронику о Кузбассе. Я увидел весёлое лицо молодого шахтёра и прочитал титр:

«Энтузиасты социалистической стройки. Инженер комсомолец тов. Кузьмич».

Тогда не знал, что Кузьмич жив-здоров и работает рядом с Москвой, в Люберцах, в институте горного дела имени Скочинского. Мне много рассказывали о нём на шахте.

В 1931 году Антон Саввич после окончания Московского горного института был направлен на работу в Кузбасс, в Прокопьевск. Работал на проходке ствола, был начальником закладочного цеха, помощником главного инженера шахты. В конце 1936 года был назначен управляющим шахты «Коксовая», затем - главным инженером комбината «Кузбассуголь». С 1940 года А.С. Кузьмич работал в Донбассе и Подмосковном бассейне. С 1945 года решением ЦК ВКП (б) он назначен заместителем наркома угольной промышленности Восточных районов СССР, с 1949 года - заместителем министра угольной промышленности СССР, затем - министром угольной промышленности Украины. Доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, А. С. Кузьмич в последнее время работал заместителем директора по научной части института горного дела имени Скочинского.

Там я его и встретил.

Антон Саввич очень удивился, когда увидел фотографию -кадр из киножурнала, снятого в 1931 году.

- Мне было 25 лет, когда я закончил горный институт имени Сталина и на основании решения ЦК по мобилизации 60 инженеров поехал на работу в Кузбасс. В Новосибирске, где находился трест «Кузбассуголь», меня принял его управляющий Моисей Львович Рухимович. После получасовой беседы он направил меня в распоряжение Прокопьевского управления новых работ, сказав на прощание: «Там сейчас главная стройка. Крупнейшую в Европе шахту «Коксовую» закладываем. Есть где приложить знания и энергию».

Так я холодным февралём оказался в Прокопьевске на станции Усяты. Утопая по колена в грязи, нашёл управление новой шахты. Это был единственный дом из бутового камня по улице Фасадная - все остальные были деревянные. Поселили меня в общежитие на Берёзовой Роще.

- Там вы с Цифельдом и встретились?

- Нет. Цифельд жил в немецком общежитии около Белой больницы.

- Извините, что перебил.

- Меня как молодого инженера назначили на работу в технический отдел. Мне не нравилось возиться с документами, И я попросился на

проходку ствола. Ствол шахты «Коксовая» был заложен в берёзовом лесу, где, вероятно, и проходила эта съёмка.

Еще до встречи с Кузьмичем в газете «Ударник Кузбасса» (так раньше называлась прокопьевская газета «Шахтёрская правда») от 28 августа 1933 года я нашёл рассказ Кузьмича, связанный с посещением Серго Орджоникидзе шахты «Коксовая».

«Когда мы вышли из шахты, - пишет Кузьмич, - нас группой стали фотографировать. Товарищ Орджоникидзе, указав на меня, сказал: «Вот его лицо надо отдельно сфотографировать. Он задание систематически перевыполняет, а мы, как видите, задание не выполнили». И сфотографировали меня отдельно».

- А кинооператоры снимали? - спросил я с надеждой услышать утвердительный ответ. Вот бы найти эти кинокадры!

-Нет, нет! Когда Орджоникидзе был, был только фотограф, он и «щёлкнул» меня у ствола. А вот этой съёмки, - он показал на подаренную мною фотографию, - хоть убей, не помню.

Что же получается?

Кинооператор снимал. Кадры сохранились. А сам процесс съёмки улетучился из памяти. Не беда. Поиск, связанный с расшифровкой только одного кадра кинохроники, подарил мне встречу с А.С.Кузьмичом.

А сколько таких кадров в киноистории шахты! Сколько удивительных биографий!

Ещё мне Антон Саввич рассказал о том, как спускался в шахту Вячеслав Михайлович Молотов:

- Я его сопровождал. Помню, как мы его одевали. Голова у него здоровая, понимаете, каску не нашли, так он в своей кепке пошел. А у сапог голяшки разрезали. Мало этого, он ещё упал в лаве - встал на рештак и несколько метров на боку пролетел, пока мы его не подхватили.

- Разумеется это никто не снял?

- А ствол проходили упаси боже в каких условиях. Я после этого заболел ревматизмом и ходил с палочкой. Еле вылечился, а то бы был инвалидом. Прокопьевск для меня - первая родина.

После посещения «Коксовой и других шахт Кузбасса Г.К.Орджоникидзе, выступая на XVII съезде партии, сказал: «Для того, чтобы посмотреть образцы хорошей работы, хорошей механизации, для этого нашим угольщикам надо ехать не в Германию и Америку, а съездить в Кузбасс и посмотреть, как дело там поставлено».

...В Государственном архиве кинофотодокументов СССР я как-то видел ленту без титров о какой-то шахте.

Вернее, титры были, но по одному кадру, а на экране, при проекции 24 кадра в секунду, их не заметно. Успей за 1/24 секунды прочитайте хоть слово!

Когда на монтажном столе, где можно остановить кадр, прочитал титры, то оказалось - это и есть разыскиваемый номер журнала «Сибирь на экране» № 11 за май 1931 года.

В нём показана механизация угледобычи и неполадки в работе.

Титры указывают: «Не работает отбойный молоток», «Недостающий транспорт лежит не отремонтированный», «Летуны-прогульщики расхищают тысячи тонн угля».

Титры призывают: «Очистим шахту от шкурников и лентяев!», «Рудник текучий превратить в рудник кадровый!», «Шахтёр, запомни: 595 300 тонн угля - твой долг стране». Титры информируют, что снята «лучшая бригада №3 тов. Андреева, работающая по методу Бахтигореева» и о том, что «Голубевка», не выполнившая обязательства выполнения плана угледобычи, позорно потеряла знамя».

Интересно, что это за знамя и как оно попало в Прокопьевск? Листаю старые газеты. Прокопьевская газета «Забой» от 12 июля 1930 года сообщает, что на общегородском митинге забойщик шахты имени Эйхе (ныне «Центральная») Иван Николаевич Новиков был избран делегатом на 5-й конгресс Профинтерна. После окончания конгресса он был участником 10-й международной конференции революционных горняков. Делегаты Чехии передали ему Красное знамя с надписью «Привет десятой годовщине объединения горнорабочих». Новиков привёз знамя в Прокопьевск. По решению Запкрайсовпрофа это знамя стало переходящим и вручалось лучшему угольному предприятию сначала Прокопьевского рудника, а затем и всего Кузбасса.

Не менее интересно было узнать, какое событие стояло за титром: «Голубевка» позорно потеряла знамя чешских горняков».

Привожу фрагмент телевизионной передачи «Кинолетопись Кузбасса» от 19 февраля 1976 года.

Рассказывает первый парторг шахты «Коксовая» Иван Григорьевич Брызгалов:

- Забрать знамя у «Голубевки» пришла группа горняков «Коксовой» во главе с Андрейчиком. (Вероятно, в титре следует читать «бригада Андрейчика», а не Андреева). Мы взяли знамя и под звуки марша пошли к комбинату нашей шахты. Рабочих «Голубевки», видно, заело самолюбие, сколько времени держали Красное знамя и, на тебе, взамен получили рогожное, так они шли за нами и выкрикивали: «А мы все равно отберём!» А Андрейчик, он здоровый парень был, бывший матрос, сказал: «Оно в крепких руках!».

Красное знамя чешских горняков было первой наградой, завоёванной шахтой. Потом были другие: и Красное знамя газеты «Правда», и знамя Государственного Комитета Оборона, но то было первое.

...Фильма, который снимал оператор Глассе, я не нашёл, да он и не мог быть найден. Вот что рассказал мне старейший кинооператор Сибири Сергей Васильевич Хмелёв:

- У Гласса была неприятность в Кузбассе. Они снимали в Прокопьевске, имя режиссёра забыл. Снимали на итальянской плёнке, на коробке которой было написано: «Проявлять не позже, чем через семь дней после съёмки». В группе никто по-итальянски читать не мог. Гласе не стал проявлять мелкими партиями, считая, что лучше в одном режиме. Пробы у себя сделали. Пробы были хорошие. Когда стали проявлять негатив - сплошной брак.

Представляете, пятичастевой фильм снять в Кузбассе, с большими трудностями и... брак! Тогда передали дело в суд на оператора. Там вызвали человека, знающего итальянский язык. Он прочитал: «Проявлять не позже, чем через 7 дней».

Суд оправдал оператора. А. считали, что Гласе виноват, недодержку допустил. Фильм в дальнейшем не пересняли.

Фильм погиб, так и не увидев экрана. А сколько фильмов о Кузбассе, уже снятых и показанных в своё время, погибло от небрежного хранения, сколько вообще было сожжено. И среди этого уничтоженного материала могли быть кадры о Кузбассе, о шахте «Коксовая».

В 30-е годы режиссёр Б. Булатов и оператор А. Ажогин снимали документальный фильм по заказу Сибугля и Уралмета - «Уголь и Металл». Как сообщает информационный бюллетень «Киносибири», картина посвящена урало-кузнецкой проблеме, в ней показана «перекличка сибирского угля с уральской рудой».

Сохранился протокол заседания производственного отдела «Киносибири» в связи с рабочим просмотром картины «Уголь и Металл». Во время обсуждения мнения были порой полярно противоположными. Сам накал обсуждения говорил о проблемности киноленты, о её значимости.

Выступающие говорили - цитирую:

Местечкин (режиссёр): «Картина даёт широким массам популярное представление о значении угля и металла в нашей промышленности. Она даёт хорошую эмоциональную зарядку работникам Урала и Кузбасса к увеличению производительности труда. В картине имеется ряд формальных недостатков, но они легко устранимы».

Репецкий (режиссёр): «Слишком резко показано лодырничанье, пьянство... Не показана механизация погрузки угля».

Баранов (кинооператор): «Работа оператора очень неудачна... Непонятно показаны все трудовые процессы, особенно в первых четырех частях».

Задорожный (режиссёр): «Картина получилась инструктивной, а должна быть политической, проблемной. Такую проблему, как уголь и металл, нельзя подавать в аналитической форме. Поэтому картину следует признать негодной и положить её на полку».

Ананьев (редактор): «Задачей картины было показать пафос, проблемы угля и металла. Между тем картина даёт впечатление, что главным врагом строительства являются рабочие. Руководящий состав в

разрезе организационных неувязок показан только в форме карикатуры. Этого, конечно, недостаточно. Соревнование показано сухо. Совсем не отмечено, что перекличка началась среди рабочих. Картина агитирует путём поверхностных фраз, а не организованным показом материала».

Гольденвейзер (режиссёр): «Критики картины недостаточно учитывают достоинства картины, значительно преувеличивая её недостатки. Большинство недостатков, отмеченных в прениях, справедливы, но для того и организован просмотр, чтобы эти недостатки выявить и поправить».

Мордохович (директор студии): «Завтра картина будет поставлена на обсуждение конференции горняков. Основную задачу - уралосибирскую перекличку - картина отражает. Её надо доработать в рабочем порядке».

После перемонтажа картина вышла на экраны, но мы не можем судить о её достоинствах и недостатках, так как фильм не сохранился.

Во время поиска документов и самого фильма «Уголь и Металл» возникла мысль: может быть, в лентах о Магнитогорске есть кадры, снятые в Кузбассе, в Прокопьевске, на шахте «Коксовая»?

В Государственном архиве кинофотодокументов СССР нашёл полнометражный звуковой документальный фильм, рассказывающий о строителях Магнитогорска, где есть кадры, много кадров - целая часть - о шахте «Коксовая».

Фильм, выпущенный в 1932 году студией «Межрабпомфильм», назывался «Песнь о героях». Режиссёр Йорис Ивенс.

Уже тот факт, что знаменитый голландский режиссёр Йорис Ивенс, впоследствии лауреат Международной премии мира, снимал в Кузбассе, знаменателен. Вместе с ним над фильмом работали сценарист Склют, оператор Александр Шеленков, позднее оператор таких фильмов, как «Вий», «Адмирал Ушаков», «Коммунист» и других.

Текст «Песни об Урале» на музыку Эйслера написал поэт Сергей Третьяков - тот самый, по сценарию которого Эйзенштейн в театре Пролеткульта поставил «Мудреца», по его же сценарию были сняты такие фильмы, как «Соль Сванетии», «Хабарда» и другие. Кстати, Третьяков первым предложил в документальном кино метод длительного наблюдения.

«Песнь о героях» - единственная картина Ивенса, снятая у нас в Советском Союзе.

К сожалению, это поэтическое кинопроизведение долгое время было «законсервировано». Только через 35 лет часть фильма, снятую в Прокопьевске, удалось приобрести в киноархиве и впервые показать зрителям Кузбасса.

Органическое сочетание, даже не сочетание, а сплав операторской работы А. Шеленкова, музыки Г. Эйслера и монтажа И. Ивенса воссоздал достоверную картину работы горняков «Коксовой».

В фильме показано, как горняки Прокопьевска проводят субботник по погрузке угля. В одном из кадров шахтёр пишет мелом на вагоне «Кузбасс - Магнитогорск». Потом, когда поезд приходит в Магнитогорск, женщина-рабочая вслух, по слогам, читает эту надпись.

По изобразительному материалу, по использованию звука и по монтажу фильм «Песнь о героях» можно сравнить разве что с известным фильмом Дзиги Вертова «Симфония Донбасса», который, надеюсь, кое-кто видел.

В январе 1934 года о том, что крупнейшая в Европе шахта коксующихся углей вступила в строй, сообщил зрителям страны оператор Андрей Торбеев своим сюжетом в «Союзкиножурнале» «Гигант Кузнецкого бассейна».

Ещё один сюжет оператора Андрея Торбеева из «Союзкиножурнала» имеет отношение к «Коксовой», назывался он «Подарок соседу», где рассказывается о том, как горняки Прокопьевска отправили Кузнецкому металлургическому комбинату сверх плана эшелон угля. Отправка проходила на станции Усяты празднично, с оркестром. На паровозе можно прочесть имена тех, кто вёл этот состав: «Машинисты Чепкасов и Лобов».

А теперь хочу обратить ваше внимание на один удивительный факт, связанный с замыслом съёмок в Кузбассе игрового фильма. В архивных документах комбината «Кузбассуголь» есть письмо директору Сибирской кинофабрики «Сибтехфильм»:

«Согласно договору с Вами от 10.11.1936 г. Вы должны были изготовить для Кузбассуголя к 1 ноября 1936 года фильм «За большой Кузбасс», причём в виде вноса Кузбассуголь уплатил Вам 10 тысяч рублей.

Ни аннотации, ни сценария фильма Вы в сроки, указанные договором, не выполнили и никаких материалов по фильму нам не передали. Вследствие этого в дальнейшем мы не сможем финансировать изготовление фильма, так как кредитами на 1937 год данная работа уже не предусмотрена».

Трудно сказать, почему сценарий «За большой Кузбасс» не был представлен «Кузбассуголю», но к этому времени он был написан М.А. Кравковым. Заведующий сценарным отделом «Сибтехфильма» Владимир Плонский писал о нём:

«В основу произведения автором положена значительная и актуальная идея, как заброшенное дикое место при осуществлении генеральной линии партии под руководством вождя народов тов. Сталина превратилось с помощью воспитанных партией и правительствам людей в ведущее звено Урало-Кузнецкого комбината.

Основной конфликт строится в плоскости борьбы между двумя тактическими линиями руководства некоей кузбасской шахты. Представитель первой линии - хозяйственник Гущин, представитель второй - инженер Фельдман. Оба они - коммунисты, оба искренне и с

энтузиазмом отдают все силы работе, оба хотят вывести шахту на первое место в соревновании.

Но Гущин хочет во что бы то ни стало добиться рекорда непременно сейчас, жертвуя интересами будущего. Фельдман, напротив, склонен противопоставить задачу планомерного развития угледобычи в будущем. Представителем правильной линии является старый инженер-стахановец Шевелев.

Побеждает линия Шевелева, требующего равного внимания к интересам сегодняшнего и завтрашнего дня.

Мотив вредительской деятельности классового врага включён в сюжетную ткань произведения достаточно органично. Вредитель и диверсант Рыбин выведен как личность ничтожная. Подчеркивается полное одиночество и обречённость Рыбина. Довольно полно и ярко показана в сценарии шахтёрская масса, она играет большую роль в развитии действия, в разрешении драматического конфликта...

В целом может получиться весьма неплохой, нужный нашему времени фильм».

...В 1937 году «Сибтехфильм» выпустил на экраны учебно-географическую картину «Западная Сибирь» (режиссёр З. Калик, консультант - профессор П.Н. Степанов). В нём есть кадры шахты «Коксовая». Вот выписка из монтажного листа.

Кадр 387. Виды Прокопьевска. Кадр 388. Оживлённые улицы.

Титр: «ПРОКОПЬЕВСК - КРУПНОЕ УГОЛЬНОЕ МЕСТОРОЖДЕНИЕ КУЗБАССА». Кадр 389. Эстакады. Кадр 390. Копры.

Кадр 391. Крупно название шахты - «Коксовая». Кадр 392. Квершлаг или штольня. Кадр 393. Проходит электровоз. Кадр 394. Забой.

Титр: «ТОЛЩИНА УГОЛЬНЫХ ПЛАСТОВ В КУЗБАССЕ ДОСТИГАЕТ 15 -17 МЕТРОВ». Кадр 395. Многоэтажный дом. Стрелка 15 метров. Кадр 396. Механизированная выработка угля. Кадр 397. Врубовая машина. Кадр 398. Уголь бежит по транспортёру.

Титр: «ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ШАХТЫ

Сохранилась видовая лента о Прокопьевске, которую снял оператор С.Хмелёв зимой 1938 года.

Посмотрев по телевидению этот фильм, писатель Виль Рудин писал в газете «Кузбасс»:

«Наверное, это свойственно каждому человеку: испытать волнение, увидев город своей юности. Для меня таким городом является Прокопьевск, куда я попал подростком осенью 1941 года как курсант артшколы. И вот на экране Прокопьевск тех давних лет - и кинотеатр, который в 1941 году уже не назывался именем Эйхе, но он был таким же, каким его запечатлел Хмелёв. Вот и насквозь промёрзшая Фасадная улица, по которой нас водили на учения и по которой дежурный наряд ранним утром возил в санях полученные с хлебозавода такие пахучие,

такие хрустящие буханки... Вот и трамваи на единственной тогда в городе трамвайной линии.

Эта небольшая лента, отснятая С.В. Хмелёвым в 1938 году, не только вернула в далёкое довоенное прошлое, она дала возможность ощутить, как же далеко мы шагнули вперед за последние четыре десятилетия, как отстроили и благоустроили город».

Смотрю, плёнка без начала и конца, без названия, без фонограммы. Но это те самые кадры, что снимает оператор на фотографии. Одно и то же событие. Одни и те же люди.

Но как определить, из какого же фильма?

Возникла мысль, если эта плёнка взята в Государственном архиве кинофотодокументов СССР, то, может быть, на ней сохранился инвентарный номер. Так и есть, нечётко, но есть №7115. По этому номеру и удалось установить название фильма и фамилию оператора. Фильм называется «Слава труду». Среди 14 имен операторов, снимавших этот фильм, есть женское -Оттилия Рсйзман.

О ней написано в Кинословаре следующее:

«Оттилия Болеславовна Рейзман снимала женский автопробег Москва - Аральское море - Киев - Минск - Москва. В годы войны была фронтовым кинооператором. Вместе с Марией Суховой снимала у партизан в тылу врага».

Помимо встречи шахтёров Кузбасса и Донбасса в фильме «Слава труду» (режиссёры Р. Григорьев, А. Медведкин, М. Славинская, главный оператор В. Небылицкий) сняты горняки «Коксовой» Василий Плавинский, Николай Матлюк, Николай Простаков и другие. Вот фрагмент дикторского текста из этого фильма:

«На шахте имени Сталина комсомольско-молодёжная бригада Николая Матлюка вышла победительницей соревнований горнопроходческих бригад.

Забойщик Капитон Яковлевич Ворошилов вернулся с конференции сторонников мира на свою шахту «Зиминка». Его бригада начала работать в счёт 1953 года.

Капитон Яковлевич соревнуется с забойщиком шахты имени Сталина Николаем Викторовичем Простаковым.

Шахтёры Кузбасса с интересом следят за соревнованием двух сильных горняков. Кто из них выйдет вперёд? Кто окажется победителем?

Кончился рабочий день. Капитон Ворошилов после работы приехал на соседнюю шахту имени Сталина. Он спустился в забой к Николаю Простакову. Соперники и друзья делятся своим опытом. У них нет секретов друг от друга. Правило советских людей - помогать товарищу».

Я спрашивал у Капитона Яковлевича о съёмках:

- Помню, но плохо. Мне тогда в качестве премии «Москвича» выделили. Ездили мы к терриконику шахты «Красногорская», там снимали, потом рыбалку в Зенково снимали; в шахте, помню, снимали с Николаем Простаковым.

- А вы видели этот фильм?

- Нет. Рассказывали, что видели меня на экране, а я сам не видел, был на курорте.

В фильме Ленинградской студии кинохроники «Сибирь Советская», снятом в 1949 году режиссёрами И. Посельским и Е. Учителем, тоже есть кадры шахтёров Прокопьевска.

Небольшой фрагмент из дикторского текста этого фильма:

«Прокопьевск - город угля. Коксующийся уголь идёт нескончаемым потоком на-гора из механизированных забоев.

Почётным и славным стал труд шахтёров.

Звание Героя Социалистического Труда удостоен шахтёр-коммунист Василий Романович Семькин».

В пятидесятые годы кинохроника как-то охладела к Кузбассу. На это прямо указывал главный редактор Центральной студии документальных фильмов Н. Садкович в письме к директору Новосибирской студии кинохроники от 8.VI.1949 года:

«Новосибирской студией в полном смысле провалено освещение Кузбасса... Сорвана тема соревнования Кузбасса -Донбасса, недавнего почина прокопьевских шахтёров в соревновании ко Дню шахтёра... Разве это не тема для сюжета о дружбе ученых и производственников, когда профессор Чинакал оказывает большую практическую помощь стахановцам Прокопьевского рудника?».

Щитовую систему выемки угля, автором которой был бывший инженер техотдела шахты, впоследствии доктор технических наук, член-корреспондент Академии наук СССР Н.А. Чинакал, шахта освоила ещё в предвоенные годы.

А кинокадры о Чинакале и его щитовой системе выемки угля появились лишь в 1958 году в фильме «Кузбасс сегодня», (режиссёр М. Лукацкий, оператор Е. Качин).

В этом фильме снят и изобретатель проходческого комбайна ПКГ Яков Гуменник.

Следует упомянуть, что кадры о шахте и шахтёрах «Коксовой» встречаются в документальных фильмах «Город угля» (1949 г.), «Сибирь Советская» (1949 г.), «Слава труду» (1949 г.), в киножурналах «Сибирь на экране» и «Новости дня».

С появлением в Кузбассе телевидения довольно часто стали снимать на шахте кинооператоры Кемеровской студии телевидения. Кинокадры о людях «Коксовой» зрители видели в передачах «Шахтёрские горизонты», «Славься, шахтёров племя!», «Медаль за бой, медаль за труд» и других.

Вели кинолетопись шахты и кинолюбители.

Фильм «Покорители», снятый народной любительской киностудией «Горняк» при Дворце культуры имени Горького города Прокопьевска о бригаде Скобелева, получил в 1977 году диплом лауреата Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества и приз газеты

«Труд». Этим фильмом открывался в ГДР VI Фестиваль любительских фильмов социалистических стран.

Я попытался только приоткрыть несколько страниц киноистории прокопьевской шахты «Коксовая». А сколько других шахт в Кузбассе - и у каждой своя, пока ещё не раскрытая киноистория.

...А сколько ещё не найдено фильмов? Нет-нет да промелькнут на пожелтевших страницах старых газет упоминания о киносъёмках на кузбасских угольных предприятиях. Газета «Кузбасс» от 29. 1. 1980 года писала:

«Мы узнали, что в Народном доме - так тогда назывались клубы - идёт немая кинолента, где показан отец, выступавший в Москве на партийном съезде». Речь шла - о шахтёре Иване Богачеке, который доставил в Москву в мае 1924 года в музей В.И. Ленина венок из угля.

В газете «Сталинец» №2 за 9 января 1947 года обнаружил заметку «Киносъёмки на шахте»:

«Посетившие Кузбасс кинооператоры Центральной студии кинохроники тов. Лившиц и тов. Зайцев произвели на нашей шахте «Коксовая» съёмки: работы знатного нарезника 2-го участка т. Голубева в забое, погрузку угля из бункеров, лучших стахановцев - мастеров угля Ивана Беляева, Владимира Красильникова, Григория Донцова, Чушкина и многих других. Кинооператоры засняли встречу нашего кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР тов. Стугарева со своими избирателями. Все заснятые кадры войдут в ближайший киножурнал кинохроники».

Или вот, газета «Кузбасс» 5 декабря 1938 года сообщает, что в кинотеатрах идёт документальный фильм «Горняки» (режиссёр Гейман). Может, в нём есть кадры о шахте?

В фильмографии «Очерков истории советского кино» встречается фильм «Подземное солнце» Ленинградской фабрики Совкино, снятый в 1930 году, о котором я ничего не знаю.

Что это за фильм?

Кто снят в нём?

Какой журнал снимали Лившиц и Зайцев?

Всё это поиск будущего.

Ведь шахтёрская работа во все времена привлекала и впредь будет ещё не раз привлекать внимание операторов кино и телевидения.

